Записки А. А. Эйлера.

Отецъ мой Христофоръ Леонтіевичъ Эйлеръ, младшій сынъ знаменитаго математика Леонарда Эйлера, родился въ Берлинѣ 1743 г. 20 го Апрѣля. Онъ служилъ въ Семилѣтнюю войну офицеромъ Прусской артиллеріи, и по переѣздѣ дѣда моего, согласно приглашенію Екатерины Великой, испросилъ увольненія отъ службы, на что король Фридрихъ не только не согласился, но за повторенную просьбу, какъ уроженца Пруссіи, приказалъ арестовать и посадить въ крѣпость Кистринъ, о чемъ дѣдъ мой, имѣя всегда свободный входъ къ Екатеринѣ Великой, доложилъ ей. Она вступилась за невиннаго и писала королю, который 17 Генваря 1767 года приказалъ отца моего освободить и немедленно отправилъ его съ письмомъ къ императрицѣ въ Россію. Здѣсь онъ былъ обласканъ княземъ Орловымъ, принятъ въ артиллерію съ повышеніемъ чина, служилъ до 1-го Генваря 1799 г. и уволенъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта съ пансіономъ, послѣ чего жилъ въ деревнѣ своей, въ Минской губерніи. Въ послѣдствіи онъ продалъ это имѣніе и переѣхалъ въ Финляндію, гдѣ въ Выборгѣ купилъ домъ и въ десяти верстахъ отъ онаго мызу Ракалаіоки, на которой 1808 года 20-го Февраля, въ 6 часовъ вечера, перешелъ въ вѣчность, имѣя отъ роду 64 года и ровно 10 мѣсяцевъ. Онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и отличныхъ правилъ, лучшій изъ отцовъ, усердный слуга государямъ и отечеству, совершенно безкорыстенъ и ученѣйшій изъ сыновей великаго Леонарда; но страдалъ много отъ несправедливости, всегда нуждался и не оставилъ никакого состоянія. Мать моя, Анна Сергѣевна, урожденная фонъ Краббе, дочь Эстляндскаго дворянина, родная племянница начальника всей Россійской артиллеріи Ивана Ивановича Меллеръ-Закомельскаго и вторая супруга отца моего, родилась въ деревнѣ Ханау, въ 12-ти миляхъ отъ Дерпта 1755 года 14 Октября, вышла замужъ въ С.-Петербургѣ 1778 года 3-го Мая, а скончалась въ Выборгѣ 1813 года 21-го Іюня, 57-ми лѣтъ. Она была во всѣхъ отношеніяхъ лучшая мать, добрѣйшая, умная женщина и красавица собою, сохранивъ это даже подъ старость.

Родители мои всегда жили скромно и честно, были въ нуждѣ и много терпѣли, при большомъ семействѣ, отъ недостатка.

Императрица Екатерина Великая, по собственному избранію, назначила отца моего, въ чинѣ артиллеріи маіора, командиромъ Сестрорецкаго оружейнаго завода, куда онъ вскорѣ послѣ свадьбы своей переѣхалъ и гдѣ я, первый сынъ этого брака, родился 1779 года 17-го Февраля, въ Воскресенье, во время обѣдни.

До десятилѣтняго возраста я прожилъ въ Сестрорецкѣ, былъ любимецъ родителя и тетки и матери моей, много рѣзвился и дѣлалъ ребяческія шалости. Отецъ никогда меня не наказывалъ, но я боялся только его и, примѣчая по глазамъ желанія, всегда старался ему угождать. По седьмому году начали меня учить, и батюшка преподавалъ мнѣ самъ: Ариѳметику, начала Геометріи и Алгебру, и столь успѣшно, что по 10-му году я свободно разрѣшалъ почти всѣ уравненія второй степени.

Въ половинѣ 1789 года батюшка произведенъ въ генералъ-маіоры, а какъ построеніе всѣхъ фабрикъ изъ кирпича было окончено, и Императрица лично оныя осмотрѣла и, изъявивъ благоволеніе, наградила отца орденомъ, а матушку брилліантовыми фермуаромъ, серьгами и перстнемъ: то онъ, согласно просьбѣ своей, назначенъ начальникомъ артиллеріи въ армію, дѣйствующую противъ Шведовъ, а семейство наше переѣхало въ С.-Петербургъ, гдѣ меня отдали въ лучшій тогда пансіонъ г. Вейдемейера, а Математикѣ обучался я у профессора Николая Ивановича Фуса. Въ концѣ 1790 отъ шалости навлекъ я на себя жесточайшее воспаленіе въ печени и въ легкихъ, но, по милости Всевышняго, искусствомъ доктора Галеди, спасенъ, а выздоровѣлъ совершенно только чрезъ 9-ть мѣсяцевъ.

1790 года 5-го Іюля опредѣленъ я въ бомбардирской полкъ сержантомъ. 1-го Ноября, на 12-мъ году отъ роду, по ходатайству генерала барона Меллеръ-Закомельскаго, произведенъ въ подпоручики арміи и опредѣленъ адъютантомъ къ отцу. По заключеніи мира со Шведами, батюшка остался начальникомъ артиллеріи, въ Финляндіи расположенной, и всѣхъ пограничныхъ крѣпостей. Въ Октябрѣ 1791 года семейство наше переѣхало въ Выборгъ, гдѣ я учился въ гимназіи, а Математикѣ у профессора Тидебеля, усердно, легко и безъ всякаго напряженія. Въ свободное время я любилъ танцовать, часто влюблялся и провелъ свою молодость въ Выборгѣ очень пріятно. Въ 1793 году на Страстную недѣлю, пасторъ Валль конфирмовалъ меня, а 20-го Апрѣля въ день рожденія батюшки, удостоился я въ первый разъ принять Святое Причастіе. Въ этотъ день и слѣдующіе, какъ теперь помню, я чувствовалъ себя истинно счастливымъ и даже блаженнымъ. 1794 года 1-го Ноября произведенъ я артиллеріи подпоручикомъ и поступилъ въ 2-й канонерскій полкъ въ 1-ю роту капитана барона Левенштерна, съ чѣмъ вмѣстѣ и

дальнѣйшее мое образованіе въ наукахъ кончилось. Батюшка съ семействомъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, а я 15-ти лѣтъ отъ роду остался предоставленнымъ себѣ и Провидѣнію; но добрые примѣры родителей и строго внушенная нравственность спасли меня отъ соблазна и пороковъ, которымъ никогда не былъ преданъ. 1795 годъ занимался я строевою службою, а по вечерамъ повторялъ то чему учился. Еженедѣльно въ Среду обѣдалъ у барона Левенштерна, изрѣдка поддерживалъ и старое знакомство, хотя очень небольшое.

Въ началѣ 1796 года переведенъ я въ гребную артиллерію и, переѣхавъ въ С.-Петербургъ, поступилъ въ 4-ю роту капитана Пухинскаго. Жилъ я тогда у родителей, стаивалъ въ галерномъ портѣ въ караулѣ, по тогдашнимъ правиламъ по цѣлой недѣлѣ, бывалъ у родныхъ и довольно часто посѣщалъ Италіянскій театръ, стоившій мнѣ каждый разъ 50 копѣекъ ассигнаціями.

Въ это лѣто сгорѣлъ галерный портъ, какъ говорили, отъ молніи. Огонь съ такою силою обхватилъ сараи съ галерами, канатами, пенькою, парусами, смолою и масломъ, что вода въ бассейнѣ даже вскипала. Люди, спасаясь отъ огня, погибали въ бассейнѣ, при чемъ одинъ Кексгольмскій полкъ потерялъ болѣе 20-ти человѣкъ. Уцѣлѣли только двѣ императорскія яхты, выведенныя въ море при началѣ пожара, прочее же все погибло; убытокъ казны былъ очень великъ; производили слѣдствіе, но ничего не открыли.

Подобный величайшій пожаръ случился при мнѣ въ 1793 году въ Выборгѣ. Кучеръ командира Выборгскаго полка г-на Адлерберга *) заснулъ на сѣновалѣ съ трубкою во рту, что̀ произвело пожаръ въ самый полдень. Предшествовавшая засуха, большіе жары и сильный вѣтеръ были причиною, что пламя съ неимовѣрною быстротою обхватило строенія каменныя и деревянныя во всей обширной крѣпости, а въ 4 часа по полудни уже весь городъ превратился въ развалины. Полковникъ Адлербергъ, человѣкъ чувствительный, отъ скорби умеръ, а богатое тогда купечество и всѣ жители лишились почти всего своего достоянія. При этомъ общемъ несчастіи замѣчательны два случая: 1-ое) что три церкви: Русская, Лютеранская и Чухонская, стоявшія между обгорѣлыми строеніями, остались невредимы, и 2-ое) что отцу моему посчастливилось спасти пороховые погреба, въ бастіонахъ расположенные, въ которыхъ послѣ войны хранилось 11,000 пудъ пороха. Онъ при себѣ приказалъ замазать всѣ двери и окна погребовъ толстымъ слоемъ глины и безпрерывно поливать оныя водою, что̀ предупредило совершен-

*) Это отецъ графа Владимира Ѳедоровича. П. Б.

ное истребленіе крѣпости и всѣхъ людей бывшихъ тогда во множествѣ въ городѣ; потому что взрывъ 11,000 пудъ пороха безъ сомнѣнія уничтожилъ бы не только людей, лошадей, обгорѣлыя стѣны, но и самую крѣпость и форштаты, уцѣлѣвшіе отъ пожара. Самоотверженіе въ подобныхъ случаяхъ батюшка почиталъ своею обязанностію, и тѣмъ спасъ жизнь до 8,000 человѣкъ и самую крѣпость, стоющую милліоны рублей.

1796 года 6-го Ноября скончалась императрица Екатерина Великая и на престолъ взошелъ императоръ Павелъ I-й. Приказомъ его величества переведенъ я въ формируемый тогда лейбъ-гвардіи артиллерійскій баталіонъ, поступилъ во 2-ую роту капитана Броверна и переѣхалъ на Литейную улицу, въ отведенную отъ города квартиру. Съ этимъ вмѣстѣ я уже навсегда отдѣлился отъ дома родителей, жившихъ тогда на Петербургской сторонѣ и, бывъ безпрестанно занятъ фронтовою службою и порученіями баталіоннаго командира Канабиха по устройству вводимой тогда въ артиллерію шорной упряжи, не могъ часто бывать въ своемъ семействѣ. Императоръ Павелъ намѣревался совсѣмъ уничтожить національную упряжь; по его приказанію всѣ экипажи въ Петербургѣ и всѣ казенные обозы запрягались въ шоры; для придворной конюшни были заготовлены новыя, а употребляемыя при императрицѣ Екатеринѣ, даже самыя парадныя съ серебромъ и золотомъ, отданы въ гвардейскую артиллерію, по которыя естественно не годились на нашихъ лошадей ростомъ въ аршинъ 14 или 15 вершковъ, почему ихъ и промѣняли на новыя гладкія шоры. Странна была тогда форма временъ Семилѣтней войны: чрезвычайно широкія платья, штиблеты, вонючія свѣчнымъ саломъ букли и длинныя до пояса косы. Мы сначала сами себя не узнавали; но любезная молодость и добрая воля чего не превозмогутъ! Я во все царствованіе императора Павла почти никогда не надѣвалъ шинели и до того привыкъ къ холоду, что не тяготился быть въ одномъ мундирѣ и при морозѣ въ 20 градусовъ. Предъ Рождествомъ хоронили императрицу Екатерину Великую и Петра III-го; великолѣпіе церемоніала происходило обыкновенно-принятое при погребеніи коронованныхъ особъ, а войска стояли шпалерою отъ Зимняго дворца чрезъ Васильевскій островъ до Крѣпости, и отдавали послѣднюю честь. Унынie и скорбь видны были на всѣхъ лицахъ, а многіе плакали и даже рыдали, провожая матушку-царицу.

1797 года 7-го Генваря выступилъ баталіонъ на коронацію въ Москву. Отъ Любани слѣдовала наша рота при Измайловскомъ полку. Въ Москвѣ насъ расквартировали подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, а потомъ перемѣстили въ Нѣмецкую Слободу. Лейбъ-баталіонъ Преображенскаго полка былъ размѣщенъ на станціяхъ,

гдѣ Императоръ имѣлъ ночлеги и привезенъ на почтовыхъ лошадяхъ къ Петровскому дворцу, гдѣ Государь встрѣтилъ оный въ штиблетахъ и съ эспантономъ въ рукахъ, провелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Императрицы и вступилъ съ баталіономъ пѣшкомъ въ заставу древней столицы, оттуда поѣхалъ въ Кремль и отслужилъ молебенъ въ соборѣ. Коронація была въ свѣтлый праздникъ 5-го Апрѣля, при которой вся гвардія стояла въ парадѣ въ Кремлѣ, а мы производили салютаціонную пальбу. Послѣ коронаціи, Государь вскорѣ переѣхалъ въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ были ежедневно разводы и ученья, а чрезъ мѣсяцъ гвардія выступила обратно въ Петербургъ; но всѣ лейбъ-баталіоны и нашу роту остановили въ Павловскѣ для содержанія карауловъ въ загородномъ пребываніи Императора. Я зналъ, что матушка еще въ Петербургѣ, и очень грустилъ, боясь, чтобы она не уѣхала, не дождавшись меня, а просить отпуска не смѣлъ.

Во время коронаціи, Государь пожаловалъ служившимъ въ Гатчинскихъ войскахъ генераламъ по 1000 и болѣе душъ крестьянъ, полковникамъ отъ 200 до 500, капитанамъ по 150 и субалтернымъ офицерамъ по 100, съ правомъ всѣмъ выбирать гдѣ пожелаютъ. Походъ въ Москву мнѣ чрезвычайно памятенъ тѣмъ, что, имѣя деньщика и лошадь, прожилъ почти три мѣсяца 35-ю рублями ассигнаціями. Я съ человѣкомъ ѣлъ одни щи и изъ одного горшка: скудость научила умѣренности и заставила узнать цѣну деньгамъ. Родители мои всегда сами нуждались и не могли давать мнѣ болѣе 50 рублей ассигнаціями въ треть; а я, зная это, никогда ничего не просилъ и обходился жалованьемъ, но всегда содержалъ лошадь, дрожки и сани. Замѣчательно въ моей жизни, что, не имѣя состоянія, никогда не бралъ денегъ подъ жалованье, никогда и никому не былъ долженъ, никогда не игралъ въ азартныя игры, но всегда, единственно отъ разсчетливости, имѣлъ деньги. Въ Павловскѣ всѣ офицеры по очереди имѣли счастіе обѣдать у Государя и за однимъ столомъ. Ученья, маневры и тревоги бывали весьма часто, изъ коихъ замѣчательна послѣдняя тревога, происшедшая отъ сигнала почталіона, ѣхавшаго съ почтою изъ Петербурга: трубачь лейбъ-гусарскаго полка принялъ это за тревогу и началъ оную трубить, барабанщики послѣдовали ему, а всѣ войска опрометью бросились на сборное мѣсто, оканчивая одѣваться на пути. Государь, въ башмакахъ, какъ тогда обыкновенно бывалъ по вечерамъ, прогналъ прибывшихъ за знаменами подпрапорщиковъ, вышелъ изъ дворца и попалъ въ бѣгущую толпу солдатъ; а конная артиллерія, проѣхавшая по тѣснотѣ чрезъ садъ, загородила ему совершенно дорогу. Императоръ чрезвычайно разгнѣвался, прогналъ войска въ казармы, поѣхалъ туда не переодѣваясь и самъ произвелъ слѣд-

ствіе. Виновнымъ выдали Преображенскаго барабанщика; его наказали, а дежурные по войскамъ и баталіону, л. гв. Преображенскаго полка капитанъ Тутолминъ и поручикъ Болотниковъ, тутъ же были разжалованы въ рядовые; но чрезъ три дня, по просьбѣ Наслѣдника, прощены.

13-го Августа сего года произведенъ я за отличіе по службѣ въ поручики, при чемъ обошелъ шесть человѣкъ старше себя, а 18 го выступили мы въ С.-Петербургъ; на другой день поѣхалъ я къ матушкѣ, которая жила у старшей сестры своей Елисаветы Сергѣевны Гебенеръ, на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, и почти ежедневно послѣ того тамъ бывалъ, познакомился хорошо съ семействомъ тетки и былъ принятъ искренно, какъ ближній родственникъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ матушка отправилась съ сестрами и братьями моими къ отцу нашему въ Несвижъ.

1798 года 28-го Января родился великій князь Михаилъ Павловичъ и въ тотъ же день именованъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ л. гв. артиллерійскаго баталіона и 1-й роты, въ которой я состоялъ старшимъ поручикомъ. Страсть къ службѣ и привычка къ тихой жизни отвлекали меня отъ развлеченій; я уже тогда твердо постигалъ всѣ правила фронта, и это сдѣлало меня любимцемъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ, Канабиха, Базена, Амбразанцова, Корсакова,—и самого графа Аракчеева. Каждое лѣто 1798, 1799 и 1800 годовъ посылали меня почти чрезъ недѣлю съ двумя орудіями при гвардейскомъ баталіонѣ, отправляемомъ по очереди въ мѣста загороднаго пребыванія Государя, для содержанія караула; когда же предвидѣлись маневры, то нерѣдко оставляли меня тамъ по мѣсяцу и по два; потому что надѣялись, что я во фрунтѣ не надѣлаю ошибокъ, за каковыя въ тѣ времена часто отставляли начальниковъ, и я, робкій въ обществахъ, бывалъ во фронтѣ предъ строгимъ императоромъ какъ дома, никогда не былъ штрафованъ и получилъ отъ Государя въ 1798 году хорошіе Англійскіе золотые часы, въ 1799 году бриліантовый перстень и въ 1800 году изъ собственныхъ рукъ Императора орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; послѣ посвященія, Его Величество обнялъ меня, поцѣловался три раза и сказалъ: «поздравляю тебя, любезный мнѣ братъ», въ какихъ выраженіяхъ былъ написанъ и рескриптъ; но оный отбитъ Французами послѣ Аустерлицкаго сраженія. Въ томъ же году, 8-го Октября, произведенъ я, безъ ваканціи, на 21-мъ году отъ роду въ гвардіи штабсъ-капитаны и назначенъ командиромъ генеральской роты, что нынѣ легкая № 1-й, хотя въ то время было въ баталіонѣ два капитана и два штабсъ-капитана безъ ротъ. Ежедневно, отъ 6-ти часовъ до обѣда, а нерѣдко и по вечерамъ, занимался я службою и обученіемъ солдатъ, которые въ моей ротѣ всегда были лучше

другихъ. Обѣдалъ я рѣдко дома, болѣе у родныхъ, а по Воскресеньямъ всегда у Анны Карповны баронессы Меллеръ-Закомельской, и непремѣнно разъ въ недѣлю у командира Охтенскаго пороховаго завода дяди моего Гебенера, куда влекла меня страсть ко второй его дочери Елисаветѣ, истинно прекрасной собою. Я жилъ тогда на одной квартирѣ съ ея братьями, отъ которыхъ всегда зналъ, когда и у кого семейство ихъ будетъ въ городѣ, и самъ туда же отправлялся. 1800 года, въ началѣ Іюля, отправленъ я съ четырьмя орудіями въ Петергофъ; послѣ 22-го, дворъ переѣхалъ въ первый разъ въ Царское Село, куда и я перешелъ съ артиллеріею. Здѣсь Императоръ нерѣдко приходилъ къ моему разводу, состоящему изъ фейерверкера и 7-ми рядовыхъ, которые содержали постъ подъ колонадою, подлѣ лѣстницы кабинета Его Величества; всегда оставался доволенъ и хвалилъ знаніе людей своего дѣла, а великіе князья называли меня счастливцемъ. Ихъ высочества знали мое усердіе къ службѣ, часто становились сами къ орудію, заставляли собою командовать и были хорошо ко мнѣ расположены, особенно великій князь Константинъ Павловичъ. Въ концѣ 1799 года пріѣзжали въ Петербургъ и останавливались у дяди моего Николая Андреевича Гебенера, батюшка съ тетушкою Авдотьей Ивановной Меллеръ. Намѣреніе отца моего было опредѣлиться вновь въ службу, но ему (едва ли добросовѣстно) это отсовѣтывали, и онъ чрезъ мѣсяцъ уѣхалъ, даже не представившись Государю, который прежде его очень любилъ, а бывши великимъ княземъ былъ и въ перепискѣ съ нимъ. (Тогда семейство наше жило въ Минской губерніи, въ деревнѣ Козловъ-Берегъ, купленной у генерала Бенигсена за 18000 рубл. ассигн. и въ 1802 году проданной за 35,000 рубл. ассигнаціями).

Я почти ежедневно бывалъ у дяди Гебенера и ближе познакомился съ его второю дочерью; ей было 14 лѣтъ, она цвѣла какъ лучшая сентифолія, была истинно прекрасна и неравнодушна ко мнѣ, а въ день отъѣзда отца моего первый поцѣлуй запечатлѣлъ нашу вѣчную любовь. Къ Масляницѣ 1799 года пріѣхали въ Петербургъ ихъ высочества женихи: великой княжны Александры Павловны палатинъ Венгерскій и великой княжны Елены Павловны принцъ Мекленбургскій. Горы стояли при деревнѣ Охтѣ, и катанья были ежедневныя. Въ послѣдній день Масляницы я былъ въ караулѣ на арсенальной гауптвахтѣ и, въ теченіи короткаго тогда дня, выходилъ и отдавалъ честь проѣзжающимъ 108 разъ, въ томъ числѣ 13 императорской фамиліи и 4 раза самому Государю. Того же года, съ 4 на 5 Марта, я также былъ въ караулѣ ночью; морозъ превзошелъ 33 градуса, потому что во всѣхъ термометрахъ въ городѣ ртуть ушла въ шарики и сдѣлалась ковкою; часовыхъ надо было

безпрерывно смѣнять; у меня въ караулѣ только 4 человѣка ознобили уши, а у другихъ было гораздо болѣе, и даже лишившихся ногъ. Послѣ сего вышелъ приказъ Императора, чтобы при морозѣ болѣе 10-ти градусовъ разводы были безъ церемоніи, а болѣе 15-ти градусовъ въ шинеляхъ сверхъ мундировъ, въ фуражкахъ и наушникахъ. Это благодѣтельное распоряженіе приписывали тогда ходатайству лейбъ-медика Веліо. Въ началѣ Мая мѣсяца я вступилъ съ очереднымъ баталіономъ въ Павловскъ, гдѣ въ половинѣ лѣта были свадьбы великихъ княженъ: Елену Павловну вѣнчали первую въ Воскресенье, а въ слѣдующее чрезъ недѣлю Александру Павловну. Двѣ недѣли продолжались праздники, балы смѣнялись театрами и гуляньями въ разныя мѣста и по водѣ. Всѣ офицеры гвардіи, въ Павловскѣ стоящіе, всегда приглашались въ театры и на балы, на которыхъ по большому числу придворныхъ чиновъ могли не танцовать, но на внезапно назначаемыхъ балахъ въ загородныхъ пребываніяхъ должны были непремѣнно участвовать въ танцахъ. Изъ отличной тогда Французской труппы первыми актрисами были г-жа Шевалье и г жа Вальвиль, большая любимица военныхъ. Стоянка въ Гатчинѣ всегда была самая трудная, какъ по отдаленности казармъ отъ дворца и учебнаго поля, такъ и по большой грязи на улицахъ, бывавшей тамъ въ дождливое время, а между тѣмъ обязаны были по службѣ, собственной надобности и даже для удовольствія всѣ пѣшіе офицеры ходить пѣшкомъ, а конные ѣздить верхомъ.

Закладка Михайловскаго замка (что̀ нынѣ Инженерный) примѣчательна тѣмъ, какъ говорили тогда, что чрезъ три дня по восшествіи на престолъ императора Павла, часовому, на мѣстѣ этомъ стоявшему, якобы ночью явился Архангелъ Михаилъ и приказалъ ему извѣстить Государя, чтобы Его Величество тутъ же построилъ себѣ дворецъ. Въ концѣ 1799 года замокъ этотъ еще не былъ отстроенъ, и Императоръ предполагалъ всю зиму провести въ Гатчинѣ, гдѣ дворецъ построенъ изъ ноздреватаго камня, какъ и казармы для войскъ. Въ Ноябрѣ начались очень сильные морозы, и не только солдаты, но и императорская фамилія заболѣла гриппомъ; съ перемѣщеніемъ же всѣхъ въ Петербургъ болѣзнь распространилась и въ столицѣ. Отъ эпидеміи этой умерло множество людей, а Семеновскаго полка въ одной ротѣ Наслѣдника скончалось 17 головныхъ людей. Генералъ Корсаковъ, видя горесть по сему случаю его высочества, приказалъ мнѣ выбрать изъ всего гвардейскаго артиллерійскаго баталіона 16 самыхъ рослыхъ и лучшихъ солдатъ и отвести оныхъ къ Наслѣднику для перевода въ Семеновскій полкъ, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ, принялъ генерала Корсакова, и даже меня, очень милостиво и много насъ благодарилъ. За-

ключу это прошедшее описанное время впдѣннымъ смѣшнымъ происшествіемъ. Служащій въ Павловскѣ изъ Гатчинскихъ войскъ г-нъ Х. женился въ Москвѣ во время коронаціи императора Павла, а въ Павловскѣ родился у него сынъ, котораго вздумалъ окрестить со всѣмъ великолѣпіемъ. Мудрецъ своего рода г. Х., зная, что предъ каждымъ парадомъ дѣлается репетиція, распорядился таковою же и для параднаго ужина. Для сего, наканунѣ крестинъ, освѣтилъ онъ свою низколежащую квартиру, приказалъ накрыть столъ на 24 человѣка и посадилъ за оный всю свою дворню и другихъ разночинцевъ, занялъ самъ хозяйское мѣсто, а лакеямъ далъ наставленіе прислуживать, подавать пустыя блюда и мѣнять тарелки, но къ несчастью они не умѣли сыграть эту комедію; хозяинъ сердился, кричалъ и, наконецъ, вскочилъ, лакеи же, охраняя свои лица, пороняли блюда и тарелки. Г. Х. ихъ переколотилъ, а представителей гостей разогналъ на конюшню и въ прачешную. Тѣмъ и кончилась знаменитая репетиція, о которой мы зная, смотрѣли въ окошки и послѣ передали великимъ князьямъ чрезъ ихъ адъютантовъ, чему ихъ высочества много смѣялись.

1801-го года 11 Марта скончался императоръ Павелъ I-й и 23-го того мѣсяца происходило погребеніе. На престолъ взошелъ императоръ Александръ I-й. На святой недѣлѣ того же года, во всѣхъ войскахъ отрѣзали косы и букли, а я получилъ приказаніе обмундировать себя и одного рядоваго во вновь предполагаемую форму, въ которой съ бомбардиромъ Коробейниковымъ представлялся Государю въ кабинетѣ, только при князѣ Волконскомъ.

Его Величество внимательно осматривалъ всѣ части одежды и изволилъ утвердить оную безъ всякой перемѣны для всей артиллеріи, только съ тою разницею, что гвардейская артиллерія должна имѣть бархатные воротники и обшлага, а полевая суконные того же цвѣта.—Въ Маѣ мѣсяцѣ начались ученья на Царицыномъ лугу. Императоръ изо всей артиллеріи смотрѣлъ только мою роту, былъ доволенъ и объявилъ благодарность. Въ концѣ Іюня я простился весьма неравнодушно съ будущею женою и выступилъ въ Москву для коронаціи. Баталіонъ слѣдовалъ отдѣльно въ полномъ своемъ составѣ и расположился въ Москвѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, куда приходило столько свахъ, что я, наконецъ, приказалъ вѣстовому ихъ выгонять. Въ древней нашей столицѣ было странное обыкновеніе: старухи ходятъ со спискомъ невѣстъ, съ прописаніемъ лѣтъ отъ роду и приданнаго, обыкновенно не менѣе какъ въ двое увеличеннаго на бумагѣ, предлагаютъ выбрать любую по мысли и назначаютъ свиданіе въ какой нибудь церкви, но большею частью у Никиты Мученика. Коронація императора Александра происходила при обыкновенномъ церемоніалѣ 15 Сентября, а въ Октябрѣ мы возвратились

въ Петербургъ. По приходѣ баталіона въ Петербургъ, командиромъ онаго назначенъ ген.-маіоръ Вильгельмъ Бергъ, у котораго въ домѣ я остался жить и гдѣ помѣстился полковникъ князь Левъ Яшвиль, отличный служивый. Между нами родилось соревнованіе, а отъ того ввѣренная мнѣ рота, безъ хвастовства лучшая изъ пѣшихъ, еще усовершенствовалась.—1802 года въ началѣ лѣта взорвало на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ сушильню и крутильню, при чемъ 19 человѣкъ растерзано на части. Генералъ Корсаковъ бралъ меня съ собой на слѣдствіе; виновнаго предали суду, но и командиръ чрезъ годъ получилъ увольненіе отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Лѣтомъ того же года пріѣхалъ батюшка со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ, а осенью сестра Блондина Бекманъ съ мужемъ и братъ Ѳедоръ; они помѣстились у батюшки, а я оставался на своей квартирѣ; утро занимался службой и одиночнымъ ученьемъ, а остальное время проводилъ у родителей. 1803 года въ Февралѣ уѣхали: сестра съ мужемъ и братъ Ѳедоръ въ Волынскую губернію; вскорѣ за тѣмъ и батюшка со всѣмъ семействомъ въ Выборгъ, гдѣ онъ купилъ домъ, а въ 10 верстахъ отъ города мызу Ракалаіоки. Въ началѣ весны перемѣстилось семейство дяди Ник. Андр. Гебенера съ Охтенскаго завода на Выборскую сторону въ домъ Пастухова, а потомъ на Пески въ купленный имъ домикъ; по влеченію сердца я почти всякій вечеръ проводилъ у нихъ и до того влюбился, что часто, возвращаясь на квартиру, у меня кружилась голова и дѣлалось дурно.

Мая 3 праздновали столѣтіе С.-Петербурга: городъ, Лѣтній садъ и большое число судовъ на Невѣ были иллюминованы отлично; погода теплая и ясная соотвѣтствовала торжеству, а гуляющихъ вездѣ и особенно въ Лѣтнемъ саду изъ лучшей публики было множество. Экипажей было столь много, что они едва помѣщались на пространствѣ отъ Гагаринской пристани до Мраморнаго дворца, и при этой тѣснотѣ въ 11 часовъ вечера внезапно разразившійся дождь надѣлалъ чрезвычайную суматоху, особенно при тогдашнихъ дамскихъ костюмахъ. Въ это время артиллеристы интриговали, чтобъ удержать отъ принятія въ службу графа Аракчеева; но всѣ хлопоты и усилія оказались тщетными: въ концѣ Мая 1803 года графъ Аракчеевъ назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона. Онъ осмотрѣлъ роты, нашелъ мою лучшею и исправною, и съ того времени всегда особенно ко мнѣ благоволилъ и отличалъ отъ прочихъ. Въ Іюлѣ приступили мы къ реформированію баталіона изъ трехъ-ротнаго въ четырехъ-ротный составъ, но роты оставлены были по прежнему, каждая въ 10 орудій. Служба при графѣ Аракчеевѣ сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ строгая, но требовалось должнаго и возможнаго: надо

было фурлейтовъ, обращенныхъ въ младшіе канонеры, обучать маршировкѣ и всѣмъ движеніямъ фронта, а лошадей артиллерійскихъ, названныхъ строевыми, убирать на правилахъ всей кавалеріи, чѣмъ я не только не тяготился, но утѣшался, потому что видѣлъ, что усердіе мое замѣчается. Въ 1803 году пріѣзжало въ Петербургъ много иностранныхъ принцевъ и вельможъ. Всѣмъ имъ показывали артиллерію, но только одну мою роту; слѣдовательно у меня было много занятій, которыя обыкновенно продолжались отъ 6 часовъ утра и до 2 часовъ пополудни.

Въ Кіевѣ, Ноября 8 я женился. Жена моя, какъ и я, родилась въ Сестрорѣцкѣ 1785 г. 20 Іюня. Въ это время получилъ я изъ Петербурга извѣстіе, что графъ Аракчеевъ приказалъ очистить для меня полковничью квартиру въ домѣ г-на Самбурскаго, на Невѣ, въ бельэтажѣ и съ балкономъ, вообще столь хорошую и удобную, что и въ послѣдствіи, командуя самъ баталіономъ, я не перемѣнялъ оной. 1 Іюня выступилъ я съ ротою въ первый разъ въ лагерь, а 6 Августа Государь на Преображенскомъ праздникѣ лично объявилъ всей гвардіи походъ въ Австрію противъ Наполеона. Мы приступили къ покупкѣ лошадей по военному времени; 16 были готовы, а 19 выступили.

Мнѣ, какъ командиру роты, позволено было имѣть повозку въ двѣ лошади, а офицеры должны были довольствоваться вьюками. Походъ до Порхова былъ обыкновенной скорости, а потомъ до Орши дневали только чрезъ три и четыре перехода, откуда я съ ротою для присоединенія къ колоннѣ великаго князя Константина Павловича долженъ былъ пройти до Брестъ-Литовска 600 верстъ въ 16 дней, которые всѣ провелъ на бивуакахъ, но исполнилъ приказаніе и прибылъ въ срокъ. Великій князь и графъ Аракчеевъ благодарили меня за скорость марша и сбереженіе людей и лошадей; ибо у меня не было оставленныхъ въ госпиталяхъ и слабыхъ, а все то, что̀ выступило изъ Петербурга, прошло чрезвычайно форсированно 1300 верстъ и было на смотру во фронтѣ. Въ трехъ переходахъ отъ Порхова въ селѣ Ашевѣ, полученъ приказъ отъ 1 Сентября, которымъ я произведенъ въ капитаны. Село это достопамятно было тѣмъ, что, по словамъ старожиловъ, всѣ тамошніе священники умирали не иначе какъ отъ пьянства, и что хозяинъ мой, одинъ изъ нихъ же, въ такомъ видѣ надѣлъ на себя запасные святые дары и вздумалъ выгонять меня съ квартиры; но я спровадилъ его въ другую избу, приставилъ къ двери часоваго и продержалъ подъ арестомъ до нашего выхода. Слава Богу, въ нынѣшнее время, кажется, нѣтъ такихъ священниковъ.

Отъ Брестъ-Литовска, гдѣ весь день провелъ у графа Аракчеева, я слѣдовалъ въ колоннѣ Его Высочества; на всѣхъ переходахъ бы-

ли отъ Австрійскаго императора завтраки офицерамъ, дневки дѣлали чрезъ три дня, а переходы были обыкновенные; но отъ Фридека въ Лейпникъ 70 верстъ, чрезъ всю Моравію, прошли въ сомкнутой колоннѣ въ одинъ день, и у меня одного изъ всѣхъ войскъ не было отсталыхъ; всю ночь солдаты чистились, а въ слѣдующій день, сдѣлавъ 35 верстъ, вступили парадомъ въ Ольмюцъ и прошли церемоніально мимо императоровъ Россійскаго и Австрійскаго; оттуда уже слѣдовали мы въ общемъ составѣ арміи до Бужервицъ. 19 Ноября оставили въ Бужервицахъ всѣ обозы и даже императорскій, а на переходъ до Аустерлица, всего 10 верстъ, употребили цѣлый день; потому что нашли за нужное предъ сраженіемъ переводить полки изъ одной колонны въ другую, а дороги были до того дурно разсчитаны, что войска на перекресткахъ безпрерывно другъ другу мѣшали и должны были выжидать, покуда занявшіе дорогу пройдутъ; а пройдя версту или двѣ, встрѣчалось опять тоже. 20 Ноября было Аустерлицкое сраженіе, первое для всей гвардіи. У насъ только и думали, чтобъ не упустить Наполеона. Гвардія тогда, всего 6 баталіоновъ, 2 кирасирскіе полка и 2 роты артиллеріи, назначалась въ резервъ корпусу князя Багратіона, а попала въ первую линію и первая открыла огонь по Французамъ, которыхъ издали считали своими; но ядро, вырвавшее ряды, вывело насъ изъ очарованія, и сраженіе началось. Колонна Милорадовича, бывшая на лѣвомъ флангѣ гвардіи, не сдѣлавъ выстрѣла, убѣжала, и мы, едва въ 5000 человѣкъ, должны были держаться противъ 30.000 Французовъ подъ предводительствомъ самого Наполеона. Разумѣется, насъ разбили, перегнали чрезъ ручей и даже разсѣяли; но гвардія не убѣжала, а пристроилась къ лейбъ-гренадерскому полку, только что пришедшему на поле брани. Наступили сумерки, и общее счастіе, что Наполеонъ насъ не преслѣдовалъ. Гвардія вообще дралась истинно съ большимъ духомъ, пѣхота три раза ходила на штыки, а кирасиры сдѣлали двѣ аттаки, но сила превозмогла; изъ гвардіи потеряно много людей, и одно орудіе съ подпоручикомъ Демидовымъ. Общая же утрата артиллеріи изъ всей арміи была значительна. Наступившая ночь дала намъ возможность ретироваться безъ потери; мы пошли на Галичъ, что̀ на границѣ Венгріи; на привалѣ я заснулъ на кучѣ камней, и у меня украли лошадь, оставя въ рукѣ концы поводьевъ, которые мошенникъ перерѣзалъ. Не было ни хлѣба, ни фуража; солдаты платили по червонцу за два фунта хлѣба; обозы были отбиты Французами, а моя повозка со всѣми вещами брошена, потому что лошадей взяли подъ коляску Государя, чтобы ее спасти отъ непріятеля. Я остался только въ томъ, что̀ на мнѣ было, и даже не имѣлъ бѣлья для перемѣны. Въ Галичѣ простояли мы 6 дней почти безъ хлѣба, пищи и фуража; люди кормились находи-

мымъ иногда въ ямахъ картофелемъ, а чаще голодали; лошадей же кормили одною гнилою соломою съ крышъ. Въ это время Австрія заключила съ Наполеономъ унизительный миръ, и мы пошли обратно въ самомъ несчастномъ положеніи. Въ Венгріи принимали насъ очень хорошо, лелѣяли и кормили до сыта; но переходы по горамъ и чрезъ рѣки и ручьи безъ мостовъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ были трудны. Маршрутъ былъ чрезъ Краковъ и Брестъ-Литовскъ, а оттуда по прежней дорогѣ въ Петербургъ, но форсированный, отъ чего, также и отъ совершеннаго голода въ Галичѣ, гвардія потеряла много отличныхъ людей и лошадей Въ Опатовѣ простояли мы 5 дней за льдомъ шедшимъ по Вислѣ, но время это должны были вознаградить усиленными маршами. Въ Несвижѣ видѣли мы графа Толстаго, брошеннаго Крузенштерномъ на Курильскихъ островахъ. Въ началѣ Апрѣля пришли мы къ Петербургу, простояли двѣ недѣли около Софіи, а на Ѳоминой недѣлѣ вступили въ столицу.

Походъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ 7 мѣсяцевъ мы прошли форсированно болѣе 4500 верстъ, выдержали, такъ сказать, на маршѣ, сраженіе, въ которомъ насъ совершенно разбили и заставили двѣ недѣли терпѣть невыносимый голодъ и всякую нужду. Около Опатова есть высочайшая гора, называемая Баба, а на ней озеро не имѣющее дна. Хозяинъ нашъ, Краковскій профессоръ, утверждалъ, что неоспоримо дознано, что озеро это имѣетъ сообщеніе съ океаномъ подъ землею, и это доказывается тѣмъ, что на поверхности озера нашли киль корабля разбитаго въ Средиземномъ морѣ.

1806 года, послѣ возвращенія изъ похода, получилъ я за Аустерлицкое сраженіе орденъ св. Анны 4-й степени, а 17 Мая произведенъ въ полковники, пробывъ капитаномъ только восемь мѣсяцевъ. Жалованье мое удвоилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшилось и положеніе наше. Съ чиномъ полковника я долженъ былъ сдать свою отличную роту и принять отъ Р. легкую № 2-й, названную потомъ по моей фамиліи, съ которою однако имѣлъ множество хлопотъ и принужденъ былъ употребить строгость, чтобъ завести въ ней порядокъ и обучить какъ слѣдовало; но за то и солдатики подшутили надо мной: на одномъ ученьѣ, которое я производилъ съ порохомъ на своемъ плацѣ, они вложили въ одно орудіе ядро и выстрѣлили. Къ счастью, ядро, не задѣвъ никого, перелетѣло благополучно всѣ дома и сѣло въ стѣнѣ Преображенскаго госпиталя. Я бросился къ великому князю, который всегда ко мнѣ благоволилъ и разсказалъ происшествіе, какъ оно было. Его Высочество принялъ меня весьма милостиво, успокоилъ и послалъ сказать всѣмъ властямъ, чтобъ о происшествіи семъ Императору не докладывали; но въ послѣдствіи самъ разсказалъ и вѣроятно взялъ мою сторону, потому что не было даже о томъ спроса, и дѣло тѣмъ и кончилось. Чтобы оста-

вить меня старшимъ штабъ-офицеромъ въ баталіонѣ, графъ Аракчеевъ командировалъ полковника Раля въ Кіевъ для формированія осадной артиллеріи, а потомъ назначилъ его командиромъ полевой артиллерійской бригады въ Москвѣ, мнѣ же приказалъ принять роту Его Высочества, оставаясь въ тоже время и командиромъ роты своего имени.

1807 года въ Генварѣ, по болѣзни генералъ-маіора Касперскаго, я вступилъ въ наружное командованіе гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ, оставаясь въ тоже время и командиромъ двухъ ротъ. Въ Февралѣ объявленъ былъ поспѣшный походъ въ Пруссію, и 16-го я выступилъ со всѣмъ баталіономъ. Снѣга были чрезвычайно глубокіе, а потому дали мнѣ дневку въ Царскомъ Селѣ, для перекладки артиллеріи и обоза на сани; это исполнилось 17-го поутру, а пополудни пріѣхалъ гр. Аракчеевъ, осмотрѣлъ мои распоряженія, былъ очень ими доволенъ, благодарилъ, пилъ въ моемъ семействѣ чай и ввечеру отправился въ Петербургъ. 18-го мы дошли до Гатчина, гдѣ поплакали и простились мы съ женой, хотя за хлопотами и скучать было некогда. Лошадей своихъ должны мы были вести въ поводу, а ѣхать на обывательскихъ, для чего на каждой станціи приказано выставить по 900 подводъ; но ихъ нигдѣ не оказывалось болѣе 500, да и тѣ были негодны подъ такую тягость какъ артиллерія, почему только одна рота графа Аракчеева, имѣя заводскихъ лошадей, шла на подводахъ, а прочіе запрягали своихъ, остальныя же подводы я отдавалъ подъ обозы квартиргерамъ и офицерамъ, каждому по парѣ. Мнѣ приказано было пройти 1,000 верстъ до Юрбурга въ 30 дней, дѣлая переходы отъ 30 до 40 верстъ и позволено только въ Псковѣ сдѣлать дневку, для того чтобы баталіонъ исповѣдался и причастился, на каковое однодневное говѣнье послѣдовало разрѣшеніе Синода, и слѣдовательно эта дневка не доставила намъ никакого отдохновенія. Въ Баускъ пріѣхалъ ген. маіоръ Касперской и вступилъ въ командованіе баталіономъ, а я съ двумя своими ротами отдѣлился и при столь форсированномъ походѣ сдѣлалъ два лишніе перехода, чтобъ перейти на дорогу, ведущую чрезъ Тельши и слѣдовать при колоннѣ великаго князя. Въ Юрбургъ прибылъ я въ срокъ, гдѣ простояли двѣ недѣли, что было необходимо, чтобы отдохнуть и оправиться. Въ началѣ Апрѣля гвардія вступила въ Пруссію; совершенная ростепель на жирномъ черноземѣ затрудняла движеніе тяжелой артиллеріи, почему, также и для облегченія продовольствія, насъ остановили въ Инстербургѣ, но рота гр. Аракчеева могла дойти только до Гумбинена. Въ Инстербургѣ простояли мы двѣ недѣли, гдѣ мужчинъ почти не было, а дамы не соглашались видѣть во мнѣ полковника въ 28 лѣтъ, что рождало забавные споры. 1-го Мая поставили гвардію на позицію при Гейльс-

бергѣ, но 2-го свели, и артиллерія получила квартиры въ одномъ амтѣ, въ 10 верстахъ отъ города. Здѣсь, возвращаясь въ одинъ вечеръ отъ товарищей, я долженъ былъ переходить по круглымъ кладкамъ чрезъ ручей; вода поднялась подъ самыя жерди, которыя раздвинулись, я очутился на одной верхомъ и такъ карабкался до берега, при чемъ потерялъ обручальное кольцо; но солдатушки мои, узнавъ объ этомъ, высыпали всѣ на другой день чуть разсвѣло и нашли оное на глубинѣ болѣе аршина, за что счастливый получилъ червонецъ.

Мая 22-го, гвардія выступила на позицію при Гейльсбергѣ; 24-го аттаковали мы авангардъ подъ командою маршала Нея и оттѣснили его отъ Гутштата, 26-го начали ретироваться, 28-го и 29-го дали сраженіе при Гейльсбергѣ, ночью отошли назадъ, а 2-го Іюня происходило пагубное дѣло при Фридландѣ. Передъ сумерками, Наполеонъ аттаковалъ большими силами лѣвый флангъ, и наши отступили въ разстройствѣ; я, бывъ правѣе ихъ, перешелъ уже пылавшій въ огнѣ мостъ во Фридландѣ, а поднявшись на противный берегъ, остановленъ генераломъ Рѣзвымъ для воспрепятствованія Французамъ переправляться чрезъ рѣку; но городъ уже былъ занятъ: изъ оконъ домовъ открыли по моей батареѣ ружейный огонь и ранили 11 человѣкъ, почему я тотчасъ изъ артиллеріи зажегъ Фридландъ и послѣ стоялъ покойно. Въ это время вызванные охотники перетащили брошенную предъ горѣвшимъ понтоннымъ мостомъ пушку роты графа Сиверса, за что всѣ пять человѣкъ солдатъ награждены Георгіевскими крестами, а я получилъ орденъ Св. Владиміра съ бантомъ. Я былъ оставленъ безъ всякаго прикрытія и начальства; не постигаю, какъ Французы насъ не взяли. Въ 12 часовъ ночи я самъ собою снялъ батарею и только на разсвѣтѣ догналъ совершенно разстроенную армію. Передъ Тильзитомъ насъ поставили на позицію, но вскорѣ сняли и перевели чрезъ рѣку Нѣманъ. На другой день пріѣхалъ Государь, и на Нѣманѣ построили на баркѣ бесѣдку, въ которой Императоръ въ первый разъ имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ. Чрезъ нѣсколько дней заключенъ былъ миръ, и мы пошли въ Петербургъ, куда въ Августѣ и вступили парадомъ.

Въ 1807 году сформирована гвардейская резервная рота изъ кантонистовъ для комплектованія артиллеріи фейерверкерами, но графъ Аракчеевъ былъ оною недоволенъ, а потому вскорѣ по возвращеніи изъ похода далъ мнѣ предписаніе принять означенную роту во всѣхъ отношеніяхъ и управлять ею отдѣльно отъ баталіона, оставаясь также и командиромъ ротъ: Его Высочества и своего имени; а какъ резервная рота имѣла по штату 8 взводовъ, изъ коихъ было пять пѣшихъ, одинъ конный, одинъ барабанщиковъ и одинъ трубачей, и обязана была третью часть совершенно обученныхъ выпу-

скать въ полевую артиллерію, то я всегда имѣлъ чрезвычайно много занятій и даже хлопотъ. Для помѣщенія этой резервной роты отвели казарму во 2-й Спасской улицѣ; но она оказалась очень тѣсна, почему назначено было половину пристроить и пристройку эту возложили на меня; а дабы я не смѣлъ отговариваться множествомъ занятій, то гр. Аракчеевъ объявилъ мнѣ на то высочайшую волю.

При гвардейской артиллеріи состояло всегда около 60 юнкеровъ; гр. Аракчеевъ сформировалъ изъ нихъ особую команду, поручилъ ее мнѣ и приказалъ богатыхъ и достаточныхъ оставить на своихъ квартирахъ, а неимущихъ помѣстить въ особыя камеры и содержать на правилахъ кадетъ, на каковый предметъ я получалъ слѣдующіе юнкерамъ жалованье и провіантъ и изъ экономическихъ суммъ баталіона по 18 рублей въ годъ на каждаго, въ камерѣ живущаго, и за эти деньги юнкера имѣли: постели, бѣлье, столъ и обучались наукамъ нужнымъ артиллерійскому офицеру, по 6-ти часовъ въ день и два раза въ недѣлю строевой службѣ. Изъ сего видно, что заведеніе это не требовало издержекъ казны, а, между тѣмъ, давало ежегодно въ полевую аттиллерію до 20 офицеровъ, конечно не профессоровъ въ наукахъ, но усердныхъ и знающихъ свое дѣло по строевой части. Резервная рота имѣла лошадей только строевыхъ на два конныя орудія, а артиллерійскихъ упряжныхъ вовсе не содержалось на всѣ 12 орудій и на 4 состоящихъ въ юнкерской командѣ; почему для всѣхъ ученій, разводовъ, парадовъ, и для лагерей я долженъ былъ эти 16 пушекъ снабжать лошадьми изъ ящичныхъ командуемыхъ мною ротъ Его Высочества и своего имени, и никогда даже виду не показывалъ, что это для меня тягостно, потому что въ томъ заключалось истинное сбереженіе казенныхъ расходовъ. Въ мой вѣкъ начальники приказывали иногда затруднительное, но всегда возможное, и подчиненные никогда не возражали, но всегда исполняли съ готовностью. Гр. Аракчеевъ, у котораго послѣ Австрійскаго похода я еженедѣльно долженъ былъ обѣдать, вознамѣрился оставить созданную имъ артиллерію и даже службу, и давалъ всѣмъ офицерамъ гвардейской артиллеріи прощальный обѣдъ предъ Рождествомъ, а на 3-й день праздника, повстрѣчавшись со мною на Литейной у Сергіевскаго собора, посадилъ къ себѣ въ сани и, жалуясь на непріятности отъ придворныхъ, объявилъ, что рѣшительно оставляетъ службу и что многіе тому будутъ рады; на что я отвѣчалъ, что онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ, что всякій, кто любитъ свое Отечество, будетъ о немъ сожалѣть, и что Государь, не имѣя другаго гр. Аракчеева, не отпуститъ его. 1808 года 1-го Января пророчество мое сбылось: графъ Аракчеевъ назначенъ былъ военнымъ министромъ и генералъ-инспекторомъ всей артиллеріи и пѣхоты. Онъ поднялъ это мѣсто на выс-

шую степень блеска; ему отдавались всѣ возможныя воинскія почести; при квартирѣ его находился караулъ отъ гвардейскихъ полковъ, разводы приводились самими полковыми командирами; гвардейскіе офицеры ежедневно являлись на ординарцы, также во множествѣ посыльные пѣшіе и конные; послѣдніе всегда сопровождали при выѣздахъ его экипажъ. Графъ, какъ военный министръ, приблизилъ меня къ себѣ еще болѣе, требовалъ почти ежедневно и сверхъ огромныхъ моихъ занятій, безпрерывно поручалъ строить разные образцы для всей арміи, которые я долженъ былъ лично показывать Императору и, по одобреніи Его Величества, разсылать во всѣ дивизіи, нерѣдко и съ людьми, на которыхъ они были пригнаны. 26-го Марта послѣдовалъ высочайшій указъ о присылкѣ ко мнѣ отъ всей пѣшей артиллеріи офицеровъ, фейерверкеровъ, барабанщиковъ и рядовыхъ для обученія порядка службы и единообразія въ обмундированіи. Изъ людей этихъ я сформировалъ роту и послѣ того былъ въ одно время командиромъ 4-хъ ротъ и команды юнкеровъ.

Въ Апрѣлѣ послѣдовало новое высочайшее повелѣніе: шесть старшихъ капитановъ присылать ко мнѣ для обученія порядка службы и чтобы вакантныя роты давать только тѣмъ, которые мною будутъ удостоены въ командиры ротъ. Въ это время проходила чрезъ столицу въ Финляндію 14-я бригада полковника П.; я долженъ былъ выѣхать на Среднюю Рогатку и устроить оную къ церемоніальному маршу, но эту кучу мужиковъ и въ мѣсяцъ нельзя бы было привести въ порядокъ, о чемъ я доложилъ гр. Аракчееву и просилъ его не представлять бригады Государю; но уже было поздно: она приползла хуже самыхъ дурныхъ рекрутъ, и Императоръ былъ очень недоволенъ, особенно когда одинъ изъ солдатъ отошелъ шаговъ на 10 отъ орудія, купилъ сайку и началъ ее грызть противъ самого Государя. Въ слѣдъ за бригадою прибыли въ столицу роты III. и 3. едва ли не хуже предъидущихъ. Гр. Аракчеевъ ихъ встрѣтилъ и объявилъ командирамъ, что, еслибы они пришли мѣсяцемъ ранѣе, то отправилъ бы обѣ роты подъ качели, вмѣсто паяцевъ; а потомъ, поручивъ оныя по строевой части въ мою команду, приказалъ выслать ихъ въ лагерь на два мѣсяца, учить два раза въ день и въ это время никого изъ лагеря въ городъ не пускать.

Въ концѣ этой зимы мы лишились добрѣйшаго, назабвеннаго нашего отца. Матушка осталась въ Выборгѣ съ сестрами моими: Елисаветой, Александрой и Екатериной; старшая, Бландина была давно уже за мужемъ за Бекманомъ, а изъ сыновей: я служилъ въ гвардейской артиллеріи, Ѳедоръ въ полевой, Павелъ въ Рязанскомъ полку въ Выборгѣ, а Константинъ въ 2-мъ егерскомъ полку въ Финляндіи.

Въ Маѣ праздновали покореніе Свеаборга, и весь Петербургскій гарнизонъ былъ въ парадѣ. Войска пѣхотныя и кавалерійскія стояли на площадяхъ: дворцовой, адмиралтейской и Петровской, а я съ 14-ю ротами или 160 орудіями по Англійской набережной. Во время молебна стрѣляли залпами по-ротно, отчего не только стекла въ окнахъ перебились, но и множество вылетѣло цѣлыхъ рамъ изъ домовъ. Парадъ кончился обыкновенно церемоніальнымъ маршемъ. Вскорѣ послѣ сего пріѣхалъ въ Россію первый, послѣ Французской революціи, посолъ, оберъ-шталмейстеръ Наполеона, Коленкуръ, съ очень блестящей свитой. Его приняли съ большою почестью, и онъ всегда бывалъ на всѣхъ разводахъ и парадахъ при Императорѣ. По Воскресеньямъ вмѣсто разводовъ были парады; всѣ войска строились въ томъ же порядкѣ, какъ при торжествѣ взятія Свеаборга. Государь проѣзжалъ по фронту, здоровался съ каждою частью и пропускалъ войска мимо себя скорымъ шагомъ повзводно, а потомъ уже очередныя вступали въ караулъ. 1-го Іюня я выступилъ съ своими 4-мя ротами и командою юнкеровъ въ лагерь, гдѣ и расположилъ на правомъ флангѣ 9 полевыхъ ротъ, тамъ стоявшихъ. Занятія мои были огромны: ежедневно поутру отъ 5 до 9 часовъ обучалъ я двѣ роты по очереди, въ 10 часовъ дѣлалъ разводъ съ парадомъ, а потомъ до 1 часа практическое ученье, по полудни же отъ 3 до 5 были другимъ ротамъ практика, а отъ 5 до половины 9 ученье движеніемъ, и въ заключеніе заря съ музыкой. Когда же своимъ учащимся давалъ отдыхъ, то объѣзжалъ полевыя роты для наблюденія, правильно ли производится ученье; потому что по фронту всѣ были мнѣ поручены. Но признаюсь, что это меня чрезвычайно утомило, и одно было только утѣшительно, что жена съ дочерью жили подлѣ самаго лагеря, съ которыми могъ ежедневно видѣться и проводить безъ хлопотъ хотя нѣсколько часовъ. 1 Іюля я долженъ былъ оставить лагерь; но смотръ, назначенный Государемъ, послѣдовалъ только 10 числа; всѣ мною командуемыя роты были въ строю. Императоръ изволилъ самъ командовать и произвелъ ученье практическое и движеніемъ въ 44 орудія, чрезвычайно былъ доволенъ и благодарилъ меня въ лестныхъ выраженіяхъ, а 12 я вступилъ въ городъ въ свои квартиры и до Сентября отдыхалъ отъ чрезмѣрныхъ занятій въ кругу своего семейства, въ которомъ всегда находилъ истинную отраду и удовольствіе; а тутъ пріѣзжала еще съ сестрами матушка, у которой для сохраненія на память купилъ продаваемый ею тогда перстень, пожалованный ей императрицею Екатериною 2-й и подарилъ своей милой Лизочкѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ выступили въ Финляндію два гвардейскіе баталіона, а съ ними и рота моего имени, подъ командою капитана, потому что гр. Аракчеевъ приказалъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ при осталь-

ныхъ 3 ротахъ и другихъ его порученіяхъ. Въ первой половинѣ Сентября производилось для всей гвардіи 5 линейныхъ ученій на Смоленскомъ полѣ; самые дни ученій были утомительны для всѣхъ тѣмъ, что по отдаленности необходимо было выступать въ 2 часа ночи; а для меня, сверхъ того, что командуя всею артиллеріею въ строю, долженъ былъ поспѣвать на всѣ пункты, гдѣ находился Государь, дабы не надѣлали ошибокъ, а для этого приходилось нерѣдко скакать по двѣ версты съ фланга на флангъ. Осенью пріѣхалъ герцогъ Ольденбургскій съ сыномъ, нареченнымъ женихомъ великой княжны Екатерины Павловны; они остановились въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ всей гвардіи генералы, штабъ и оберъ-офицеры имъ представлялись; въ Январѣ 1809 происходила свадьба ихъ высочествъ, и молодые первое время жили въ зимнемъ дворцѣ. Послѣ половины Декабря пріѣзжали на три недѣли Прусскіе король и королева, которымъ всѣхъ гвардейцевъ представлялъ самъ Государь. Я показывалъ королю роту Его Высочества въ Михайловскомъ манежѣ движеніями, а на Волковомъ полѣ практическимъ ученьемъ, при морозѣ въ 28 градусовъ. Офицеры были въ сертукахъ, а солдаты въ шинеляхъ чрезъ мундиры; въ 8 часовъ утра рота выступила на Волково поле, въ 11 пріѣхали Императоръ и король, и послѣднему я рапортовалъ понѣмецки. Въ началѣ ученья Государь приказывалъ людямъ погрѣваться; но они отвѣчали, что имъ не холодно; почти въ 12 кончилось ученье, и Императоръ пригласилъ короля на завтракъ тутъ же; въ ½ перваго пили ихъ здоровье, при чемъ я произвелъ 101 выстрѣлъ; въ часъ Ихъ Величества уѣхали, а мы отправились въ городъ. Въ Ямской я предлагалъ солдатамъ погрѣться, но они просили лучше дойти скорѣе домой, гдѣ оказалось, что три человѣка, почти головные, стоявшіе подлѣ Государя и потому не рѣшавшіеся погрѣваться,ознобили себѣ ноги до такой степени, что всѣ пошли въ инвалиды на свою родину.

Въ Февралѣ давали великолѣпный фейерверкъ противъ Таврическаго дворца. Щитъ былъ на 42 саженяхъ въ длину и 22 въ вышину; каскады составлялись изъ 9 пудовыхъ мѣдныхъ фонтановъ, а павильонъ былъ изъ 42,000 ракетъ, который заключался бѣглымъ огнемъ изъ 101 пушки 36 фунтовъ, заряженныхъ каждая 12 фунтами пороха. Я былъ дежурнымъ при фейерверкерѣ для содержанія порядка при огромномъ стеченіи народа и особенно для сбереженія провода отъ дворца до фейерверка, по которому, королевою зажженному голубку, должно было сообщить огонь первой декораціи.

Въ концѣ Февраля я посланъ былъ гр. Аракчеевымъ въ старую Финляндію, для осмотра расположенныхъ тамъ на зиму артиллерійскихъ ротъ Финляндской дѣйствующей арміи, откуда въ началѣ Марта вернулся, повидавшись нѣсколько дней съ матушкою и братомъ Ѳедоромъ, однимъ изъ командировъ тѣхъ ротъ.

Еженедѣльные по Воскресеньямъ парады, линейныя ученья лѣтомъ на Смоленскомъ, а маневры осенью на Волковомъ поляхъ, лагери и смотры только моихъ 4-хъ ротъ Государемъ, происходили въ томъ же порядкѣ, какъ и въ 1808 году; но за практическое ученіе объявлена мнѣ благодарность въ высочайшемъ приказѣ, и пожалованъ отъ Государя брилліантовый перстень въ 1200 рубл. ассигнаціями, который я съ великимъ удовольствіемъ подарилъ милой моей женѣ. Въ этомъ же году Англія объявила Россіи войну: флотъ ея крейсировалъ около Кронштата, почему опасались, чтобы не было помѣхи Петергофскому празднику. Всѣ лейбъ-баталіоны гвардіи вступили въ Петергофъ и расположились лагеремъ при фарватерѣ отъ Кронштата; я былъ при нихъ съ двумя ротами артиллеріи, а резервъ нашъ составляли всѣ учебныя заведенія. Лагерная служба исполнялась со всею точностію; полковники дежурили по всѣмъ войскамъ; было два маневра въ присутствіи Государя, а въ началѣ Августа дворъ переѣхалъ въ Царское Село, и мы пошли въ Петербургъ. 21-го Іюля я былъ дежурнымъ по лагерю, а 22-го при утреннемъ рапортѣ великому князю, Его Высочество мнѣ сказалъ: «Хотя я знаю, что навѣрное ты очень усталъ, но отъ гр. Аракчеева отдѣлаться нельзя; онъ требуетъ, чтобы непремѣнно тебя назначить дежурнымъ при фейерверкѣ. Возьми четыре полныя роты отъ пѣшей гвардіи, будь съ ними во 2-мъ часу у дворца, и исполняй что графъ прикажетъ». Усталый поѣхалъ я въ лагерь, наскоро пообѣдалъ, собралъ баталіонъ и пошелъ ко дворцу, гдѣ устроилъ цѣпь изъ 1000 человѣкъ и наблюдалъ за порядкомъ. Въ 5 часовъ по полудни пріѣхала жена съ братомъ Ѳедоромъ; я ввелъ ихъ въ цѣпь и не болѣе получаса могъ пробыть съ ней. Послѣ зари, для усиленія цѣпи отъ большаго напора людей, поступилъ въ мое вѣдѣніе и весь дворцовый конно-гвардейскій караулъ. Въ 10 часовъ, посовѣтовавъ женѣ удалиться, я побѣжалъ за ворота и по данному сигналу приказалъ произвести 21 выстрѣлъ, а возвращаясь къ фейерверку увидѣлъ ужасное и смѣшное зрѣлище: 40,000 швермоновъ освѣтили совершенно мѣстность, но въ тоже время многихъ обожгли, а въ дамскихъ платьяхъ даже произвели пожары. Для спасенія цѣпи солдаты бросились на землю, а мошенники, пользуясь сумятохою, приступили къ грабежамъ и вырывали серьги даже съ частью ушей, что производило ужасный крикъ и плачъ. На силу мнѣ удалось возстановить порядокъ и устроить караулъ, а конно-гвардейцевъ, затянутыхъ въ лосинѣ, надо было подымать. Остальной фейерверкъ былъ отлично хорошъ и кончился благополучно; въ 12-ть часовъ я вернулся въ палатку и, просидѣвъ съ женой и братомъ до 2-хъ часовъ, простился и замертво уснулъ.

Въ Августѣ, возвратившись въ Петербургъ, я принялъ въ свое вѣдѣніе батареи, устроенныя по Финскому заливу, для защиты столицы отъ внезапнаго нападенія Англичанъ, послѣ чего росписалъ всѣ артиллерійскія роты по батареямъ, обучалъ оныя дѣйствовать изъ крѣпостныхъ орудій, и былъ всегда въ готовности по первому сигналу изъ Кронштата встрѣтить незванныхъ гостей. Въ Сентябрѣ вступила рота моего имени въ Петербургъ, и Государь изволилъ ее встрѣчать; вмѣстѣ съ нею вступила и полевая рота Б.; но ее императору не показали, потому что лошади едва могли ходить, изъ которыхъ всѣ среднія пары въ орудіяхъ падали на каждомъ поворотѣ въ улицу. Въ концѣ года конная артиллерія отдѣлилась отъ баталіона и поступила совершенно въ команду Великаго Князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ я сдалъ Его Высочеству и конный взводъ резервной роты.

1810 года 1-го Генваря назначены: генералъ Барклай де-Толли военнымъ министромъ, а графъ Аракчеевъ предсѣдателемъ Военнаго Департамента Государственнаго Совѣта, и къ нему же поступила собственная Его Величества канцелярія, съ чѣмъ вмѣстѣ поступали на его разсмотрѣніе всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Въ Генварѣ поручилъ мнѣ гр. Аракчеевъ обмундировать до 4,000 плѣнныхъ Шведскихъ солдатъ, что̀ я исполнилъ въ три недѣли, представилъ оныхъ Государю въ аванъ-залахъ Зимняго дворца и по приказанію Его Величества отвелъ Шведовъ къ ихъ послу и сдалъ для отправленія въ Швецію. Послѣ этого чрезъ три дня послали меня по назначенію Императора въ новую Финляндію отыскать понтонную роту Дидрихса и устроить ее для вступленія въ порядкѣ въ столицу. Я повстрѣчалъ роту въ 20-ти верстахъ отъ Нейшлота, лошадей больныхъ велѣлъ немедленно продать и, исполнивъ свое порученіе, чрезъ недѣлю возвратился и донесъ военному министру.

Въ Маѣ мѣсяцѣ генералъ Касперской уволенъ для излѣченія болѣзни, я принялъ отъ него на законномъ основаніи гвардейскій артиллерійскій баталіонъ, и въ мою ко̀манду поступили всѣ полевыя артиллерійскія роты, расположенныя тогда въ Петербургѣ, Москвѣ, Смоленскѣ и Архангельскѣ, а равномѣрно арсеналы С.-Петербургскій и Брянскій и Охтенскій пороховой заводъ, хотя въ послѣднихъ трехъ мѣстахъ начальники были генералъ-маіоры. Въ томъ же мѣсяцѣ я съ гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ поступилъ въ совершенную команду Великаго Князя, а какъ Его Высочество всегда особенно былъ ко мнѣ милостиво расположенъ, то, по оставленіи гр. Аракчеевымъ строевой части, это было для меня великимъ счастіемъ и чрезвычайно полезно. Въ началѣ лѣта баронъ Меллеръ-Закомельскій отправился осматрпвать артиллерію, а генералъ-маіоръ графъ Кутайсовъ заступилъ его мѣсто въ Пе-

тербургѣ. Мы съ нимъ скоро сошлись и сдѣлались даже пріятелями. Въ это время онъ былъ неутѣшенъ въ безнадежной любви своей къ дѣвицѣ Пашковой и находилъ одно удовольствіе бесѣдовать со мною наединѣ; наконецъ, для развлеченія его, я придумалъ произвести опыты надъ картечью, предложенной Карнотомъ, которые были весьма удачны и такъ понравились графу, что мы часто повторяли ихъ на Волковомъ полѣ, чѣмъ моя Лизочка не очень была довольна; но я дѣлалъ это по необходимости, видя въ томъ возможность развлекать несчастную страсть искренно любимаго мною и достойнаго графа Кутайсова.

Парады по Воскресеньямъ, линейныя ученья лѣтомъ, маневры осенью, лагерь въ Іюнѣ мѣсяцѣ и смотры Государемъ изъ всей артиллеріи только четырехъ ротъ, мною командуемыхъ, происходили въ томъ порядкѣ, какъ и въ оба предшествующіе года; только на парадѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, отличные мои люди перваго орудія, проходя мимо Государя, сбились съ ноги. Императоръ разгнѣвался и подозвалъ меня, чтобы выговаривать; но Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ и доложилъ, что этому не я виноватъ, а Преображенскіе барабанщики, ударившіе походъ не въ ногу, чѣмъ Его Высочество избавилъ меня отъ невольной непріятности, но послѣ наединѣ сдѣлалъ замѣчаніе. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ поручилъ мнѣ военный министръ сформировать по новому положенію С.-Петербургскій округъ артиллерійскихъ гарнизоновъ. Я исполнилъ въ два мѣсяца, получилъ благоволеніе Государя и сдалъ оный окружному начальнику Кузьмину, который однакожъ, хотя и старшій, остался у меня въ командѣ. Въ Декабрѣ Государь въ зимнемъ дворцѣ раздѣлялъ партію рекрутъ; оставалось 400 человѣкъ, совершенныхъ мужиковъ. Его Величество, подозвавъ меня, приказалъ взять оныхъ и сформировать двѣ роты для Свеаборга; въ $2^1/_2$ мѣсяца я одѣлъ ихъ по штату, пригналъ амуницію, выучилъ пѣшему строю и представилъ на смотръ. Роты эти, выступая изъ Петербурга вмѣстѣ съ одною артиллерійскою и одною саперною ротами, были разительно лучше послѣднихъ. Императоръ былъ отъ нихъ въ восхищеніи и весьма лестно благодарилъ меня, а Александръ Благословенный умѣлъ это. Въ это же время Великій Князь просилъ меня запрячь его модели артиллеріи и обоза деревянными лошадьми. Я поручилъ 30 лошадей въ $^1/_6$ долю вырѣзать лучшему тогда мастеру Карасеву, а упряжь приготовилъ по маштабу при баталіонѣ и отвезъ все въ скорости въ Стрѣльну, чѣмъ Его Высочество остался очень, очень доволенъ, благодарилъ меня и оставилъ на цѣлый день у себя. Модели эти находятся теперь въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Для устроенія въ ротѣ Его Высочества киверной мастерской, я отдалъ въ ученье лакировать кожу рядовыхъ Кирилова и Глотова, которые поняли

дѣло лучше учителей; теперь они уже въ отставкѣ, имѣютъ отъ своего ремесла каменные дома и ежегодно поставляютъ въ Коммисаріатъ киверовъ болѣе чѣмъ на полмилліона рублей.

Въ 1811-мъ году, когда всѣ власти были заняты политическими дѣлами съ Наполеономъ и секретными приготовленіями къ войнѣ съ Франціею, послѣдовало распоряженіе, чтобы гвардію комплектовать солдатами изъ полевыхъ войскъ, и генералъ Ставицкій предложилъ мнѣ получить отъ него 64 человѣка, выбранныхъ изъ 84 тысячъ рекрутъ набора 1811-го года, на что я конечно согласился. Онъ доставилъ ихъ въ Ижору, откуда я опредѣлялъ рекрутъ въ роту Фрейтага и производилъ оныхъ чрезъ недѣлю въ капонеры и бомбардиры, а потомъ переводилъ въ гвардейскій баталіонъ, чрезъ что украсилъ свой баталіонъ 64-мя рядовыми нестарѣе 25-ти лѣтъ, прекрасными собой и ростомъ не менѣе 2-хъ аршинъ и 9 вершковъ, а двое были 2 арш. и 12 вершковъ. Въ теченіи лѣта выстроили на Волковомъ полѣ одинъ полигонъ крѣпости, а въ концѣ Сентября была произведена оному аттака на спицъ равелина по всѣмъ правиламъ искусства. Въ Россіи это былъ первый примѣръ и весьма поучительный для войскъ всѣхъ родовъ, а особенно для артиллеріи и инженеровъ. Мы тутъ многому научились; теорія не всегда совершенно согласна съ практикою, которая проще и скорѣе приводитъ къ цѣли. Государь часто посѣщалъ наши опыты, былъ всегда доволенъ; но мы, употребляя гранаты съ разрывомъ для уничтоженія мерлоновъ, всегда за него боялись. Въ Августѣ я получилъ предписаніе переформировать роты гвардейскаго баталіона въ 12-ть орудій каждую, что̀ было сдѣлано въ три дни, и я вывелъ оныя въ первый разъ парада въ новомъ составѣ и за поспѣшное исполненіе получилъ благодарность Великаго Князя и Императора. Въ началѣ Сентября приказано было мнѣ прикупить недостающихъ по военному времени въ баталіонѣ 400 артиллерійскихъ лошадей. Тогда не было роскоши и бережливо обращались съ казенными деньгами: мнѣ на каждую гвардейскую лошадь дали только по сту рублей ассигнац.; но за всѣмъ тѣмъ я куплялъ здоровыхъ, сильныхъ и довольно красивыхъ лошадей, которыя выдержали голодъ и холодъ и на коихъ артиллерія въ трехлѣтнюю кампанію не только не останавливалась, но повсюду поспѣвала прежде другихъ. Къ 14-му Октября, дню рожденія вдовствующей Императрицы, приказано было приготовить великолѣпный фейерверкъ. Огромный щитъ и павиліонъ установили противъ дворца на Васильевскомъ Островѣ, а 5-ть декорацій, по волѣ Государя, должно было устроить на Невѣ, на баркахъ. Я упрашивалъ инспектора вытребовать для управленія судами морской экипажъ, но самонадѣянность артиллеристовъ погубила все. Вечеромъ сдѣлался сильный штурмъ, лаборатористы не могли и не умѣ-

ли удерживать барокъ на мѣстѣ; всѣ пять рядовъ сдвинуло въ одинъ, а когда зажгли первую декорацію, огонь сообщился и прочимъ, которыя всѣ вдругъ сгорѣли, что̀ представляло какой-то хаосъ.

Въ Ноябрѣ, ген. маіоръ Ермоловъ назначенъ командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но баталіона не принималъ, а получилъ вторую гвардейскую пѣхотную бригаду, а потомъ и всю дивизію; я же по прежнему остался командующимъ гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ. Въ это почти время артиллеріи капитанъ Кабановъ представилъ своего изобрѣтенія новый діоптръ, теорія котораго оказалась совершенно правильною, и употребленіе онаго при орудіяхъ гвардейской артиллеріи не представило никакихъ неудобствъ; но Ученый Комитетъ не соглашался на введеніе его вообще во всю артиллерію, отчего родились пренія между членами Комитета и офицерами роты Его Высочества: Вельяминовымъ, двумя князьями Горчаковыми, княземъ Меншиковымъ, Поморскимъ и Жиркевичемъ, съ которыми по учености, ловкости и образованности трудно было всякому спорить, особенно когда они обратили преніе въ смѣхъ. Члены поумнѣе замолчали, а Ф. вздумалъ одинъ состязаться; но офицеры довели его до того, что онъ съ Волкова поля убѣжалъ, бросился на дрожки и только у заставы опомнился, что забылъ при орудіи свою шляпу, за которою не рѣшился вернуться, а прислалъ кучера. Тѣмъ пренія и кончились; діоптръ былъ принятъ, а Кабановъ награжденъ чиномъ подполковника, получилъ орденъ Св. Владиміра и 3000 рублей единовременно. Въ Декабрѣ выступила изъ Петербурга рота полковника Г. Императоръ назначилъ ей смотръ въ 11-ть часовъ, а въ 8-мь прислалъ за мною инспекторъ артиллеріи и поручилъ наблюсти за порядкомъ. Я отправился на Пески, гдѣ стояла эта рота и лошади, но не нашелъ тамъ никого кромѣ дневальныхъ, и даже лошади были еще не чищены, а самого полковника Г. спящаго долженъ былъ поднять на ноги. О таковой безпечности я не смѣлъ не донести инспектору, что̀ повлекло за собою справедливый выговоръ; а чрезъ три дни отправили меня по именному повелѣнію догнать роту, осмотрѣть оную на походѣ и всѣхъ негодныхъ лошадей выбраковать на счетъ полковника Г. Я исполнилъ порученіе, но поберегъ старика, чѣмъ всѣ эти непріятности и кончились.

1812 года первые два мѣсяца провели мы въ приготовленіяхъ къ походу. Матушка съ сестрами пріѣзжала проститься и въ послѣдній разъ; чрезъ двѣ недѣли они отправились домой, а сестра Елисавета осталась у насъ, и мы съ женою, предчувствуя долгую разлуку, проводили это послѣднее время въ своемъ кругу и почти никуда не выѣзжали. Служа два года подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя, я, какъ и всѣ командиры гвардейскихъ полковъ,

обязаны были ежедневно у него бывать; въ 9-мъ часу мы пріѣзжали, и всегда аккуратно въ 9-ть выходилъ Его Высочество. Первые являлись вѣстовые, потомъ Великій Князь отдавалъ общія приказанія, а за тѣмъ спрашивалъ, не имѣетъ ли кто особаго доклада и съ этими словами откланивался и входилъ въ штандартную комнату, куда всѣ, кто былъ нуженъ Его Высочеству или имѣли до него надобность, входили по одиначкѣ и получали разрѣшенія, замѣчанія и даже выговоры, чѣмъ все и кончалось; а въ 10-ть часовъ каждый изъ насъ былъ дома или тамъ, гдѣ требовала служба. Этотъ распорядокъ съ необыкновенною акуратностію во времени чрезвычайно облегчалъ службу, за что всѣ полковые командиры вполнѣ были признательны.

7-го Марта назначено баталіону выступить въ походъ, а 6-го числа Его Высочество, позвавъ меня въ штандартную, приказалъ морскаго экипажа артиллерійскую команду взять мнѣ съ собою, и притомъ объявилъ, что команду эту надо снабдить 4-мя орудіями съ зарядами, лошадьми и упряжью; что команда должна уже быть на баталліонномъ дворѣ, что ее нужно поучить къ выступленію и что инспектору артиллеріи объ отпускѣ всего послано уже повелѣніе. Я бросился на баталліонный дворъ, нашелъ тамъ поручика Листа съ командою и сдѣлалъ тотчасъ распоряженіе, посредствомъ резервной роты остающейся въ Петербургѣ команду учить при своихъ орудіяхъ и пріемщиковъ послать немедленно въ арсеналъ, лабораторію и за лошадьми; къ часу все было сведено и свезено, а къ 4-мъ и вся упряжь пригнана; въ 5-ть часовъ я посмотрѣлъ команду при своихъ орудіяхъ и на своихъ лошадяхъ и, оставшись доволенъ, распустилъ ее въ 6-ть отдыхать и приготовляться къ походу, а самъ поѣхалъ для сдачи резервной роты князю Абамелику, который задержалъ меня до 11-ти и тѣмъ отнялъ послѣднее время провести съ своими. На другой день баталіонъ выступилъ. Государь провожалъ насъ почти до заставы, былъ доволенъ, посмѣялся надъ морскими и благодарилъ меня весьма лестными словами, особенно за команду поручика Листа, которая дѣйствительно очень порядочно прошла церемоніальнымъ маршемъ. Жена моя съ дочерью и сестрою провожали меня три перехода и оставались на дневкѣ въ Рожественѣ. 11 Марта съ грустными сердцами мы простились на долго.

Переходы были обыкновенные, а дневки чрезъ три дни; но, по глубинѣ снѣговъ, походъ былъ тяжелъ. Переправясь чрезъ Двину, насъ остановили въ Брацлавлѣ, гдѣ проѣхалъ Императоръ, а потомъ мы перешли въ деревню Даугелишки; квартиры были сносныя, но фуража почти вовсе нельзя было достать. Овесъ привозили по распоряженію провіантскаго вѣдомства, а на сѣно отпускали

по рублю серебромъ за пудъ; но купить не было возможности болѣе 5-ти фунтовъ въ день на лошадь, отчего въ пять недѣль у меня осталось 60.000 рубл., изъ которыхъ 10.000 на подъемныхъ лошадей, состоящихъ на моей отвѣтственности, я оставилъ у себя, а 50.000 представилъ обратно, и поступокъ сей какъ единственный въ цѣлой арміи доведенъ былъ Великимъ Княземъ до высочайшаго свѣдѣнія. Къ именинамъ Его Высочества 21 Мая у меня изготовили небольшой фейерверкъ, но, отъ дождя и перевозки въ Видзы, горѣлъ весьма неудачно. Чрезъ три дни вся гвардія пошла въ Вильну, гдѣ было два маневра, послѣ коихъ выступила обратно въ деревни по квартирамъ, а артиллерія размѣстилась около города Свенціанъ, въ которомъ я занялъ свою штабъ-квартиру и гдѣ расположилъ парки артиллеріи всѣхъ ротъ. 12 Іюня поутру прискакалъ ко мнѣ фельдъегерь и объявилъ, что Государь прибудетъ въ Свенціаны въ 11 часовъ, что квартира уже назначена въ домѣ Уѣзднаго Суда и что Императоръ приказалъ поставить двухъ часовыхъ; а какъ уже былъ 11-тый часъ, то изъ парковаго караула я отвелъ двухъ лучшихъ рядовыхъ и только что поставилъ ихъ къ дверямъ, какъ подъѣхалъ Государь и, выходя изъ коляски, сказалъ: «Поздравляю съ войною; Наполеонъ ночью въ 12-ть часовъ перешелъ Нѣманъ». Я лично остался при квартирѣ и послалъ въ роту Его Высочества за полнымъ карауломъ въ 120 человѣкъ, который и прибылъ въ три часа. Императоръ прошелъ по фронту, спрашивалъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему людяхъ и приказалъ поставить къ нему караулъ изъ одного фейерверкера и 10 рядовыхъ, а остальныхъ людей отпустить, что̀ я исполнилъ; но, не отходя отъ квартиры, велѣлъ 50 человѣкъ расквартировать въ городѣ и быть имъ всегда на готовѣ. Во время зари Государь стоялъ на крыльцѣ, а послѣ оной приказалъ мнѣ поставить часовыхъ подъ окошко его спальни по угламъ забора квартиры и одного къ экипажамъ. Я рѣшился доложить, что караулъ будетъ въ 30 человѣкъ, и потому не позволитъ ли Его Величество поставить офицера. Отвѣтъ Государя былъ: «Нѣтъ, братецъ, не надо; наряди двухъ фейерверкеровъ» послѣ, чего, уволивъ караулъ, я разстановилъ часовыхъ и, отдавъ имъ приказаніе, отвелъ самъ безъ ефрейтора часоваго подъ окошко, котораго лично чрезъ два часа смѣнялъ. Императоръ долго сидѣлъ у окна и все писалъ, но когда приходила смѣна, подымалъ занавѣску и смотрѣлъ. Въ три часа Его Величество легъ отдыхать, а я всю ночь провелъ подлѣ караула на прилавкѣ у воротъ. Въ эти сутки я до того былъ занятъ, что не обѣдалъ и даже не пилъ чаю. На другой день приведена была въ караулъ Преображенскаго полка рота со знаменемъ; но Государь ея не принялъ, говоря, «что артиллеристы оберегаютъ его такъ хорошо, что лучшаго караула не желаетъ»; а

потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Можешь ты дать мнѣ другой караулъ?» Я, отвѣчалъ, что поставлю себѣ за особенное счастіе, побѣжалъ и привелъ смѣну, которая уже была готова. Императоръ много благодарилъ меня и остался при разводѣ. Таковая постоянная благосклонность искренно возлюбленнаго моего Монарха единственно поддерживала силы мои, совершенно изнуренныя въ эти двое сутокъ. На третій день поутру Императоръ вышелъ къ караулу и сказалъ мнѣ: «Спасибо, братецъ, за караулы, а еще болѣе за твою заботливость; сегодня вы должны выйти на позицію: скоро придетъ Преображенскій разводъ, смѣнись и ступай съ Богомъ, куда прикажутъ».

Вотъ чѣмъ началась для меня отечественная кампанія, описывать которую не буду, но упомяну только случаи, до меня касающіеся или особенно занимательные.

На переходѣ въ Дриссу отлучился у меня одинъ рядовой изъ рекрутъ. Я запретилъ отъ той артели наряжать ко мнѣ ординарца и караулъ, что̀ чрезвычайно ихъ огорчило; и фейерверкеры, и ефрейторы съ позволенія моего пошли его искать и поймали въ 15-ти верстахъ. Наказаніе розгами я предоставилъ артели, и послѣ того никогда не было не только отлучившагося, но и отсталаго. Въ Дриссѣ недостало хлѣба въ двухъ полкахъ; узнали, что у меня большой онаго запасъ и взяли половину, чѣмъ надѣлали мнѣ много хлопотъ. Въ это же время подошли Французы къ Динабургу, гдѣ для распоряженія казеннымъ имуществомъ была наряжена коммиссія, которая и представила докладъ, чтобы до полумилліона рублей ассигнацій сжечь; а Государь, надписавъ тутъ же, что подобныя предложенія могутъ дѣлать только грабители, послалъ оный обратно въ коммиссію.

Бородинское сраженіе, происходившее 26 Августа, было самое жестокое, какое я когда либо видѣлъ. Въ 4 часа пополудни прислалъ за мной главнокомандующій и приказалъ укомплектовать всю артиллерію зарядами для завтрашняго сраженія. Я прохлопоталъ цѣлую ночь, а между тѣмъ армія снялась и попалась мнѣ на встрѣчу около Можайска. Фланговый бомбардиръ роты Его Высочества, послѣ перваго выстрѣла изъ перваго орудія, вышелъ, чтобы снова его зарядить; но непріятельское ядро оторвало у него руку, загнало оную вмѣстѣ съ банникомъ въ камору орудія и само тамъ засѣло. Впрочемъ потеря, кромѣ этой, не была здѣсь велика, а въ ротѣ гр. Аракчеева убито: 1 полковникъ, 1 оберъ-офицеръ, 44 нижнихъ чиновъ и болѣе 50 лошадей, да столько же переранило. Полки Преображенскій и Семеновскій, бывъ все это сраженіе въ резервѣ, не заряжали ружей, но потеряли 500 человѣкъ изъ фронта. Послѣ Бородина корпуса́ чрезвычайно убыли въ числѣ людей; излишнюю

артиллерію отъ нихъ отобрали и составили резервъ подъ моимъ начальствомъ, который состоялъ тогда изъ 30 ротъ или 360 орудій. Предъ Москвою полагали дать сраженіе, но, слава Богу, отмѣнили. Мѣстность разсѣченная глубокими оврагами и слабость силъ нашихъ противу Французскихъ не могли обѣщать намъ ничего добраго; а отступленіе чрезъ столь пространный городъ погубило бы всю армію. Въ 1-мъ часу ночи мнѣ съ резервною артиллеріею приказано было выступить и сколько возможно не задерживать прочія войска. Отъ 2 до 5 часовъ я проходилъ Москву совершенно опустѣлую отъ жителей, а вышедъ за заставу увидѣлъ несчастныхъ, идущихъ по всему полю съ ношами и плачущихъ. Это было 2-го Сентября, 3-го же и 4-го на фланговомъ маршѣ въ 33 верстахъ отъ города освѣщало насъ пламя Москвы и столь ярко, что и ночью можно бы было читать книгу; а 7-го числа, когда послѣднія войска выходили изъ села Воронова, которое лучше многихъ городовъ, самъ хозяинъ онаго графъ Ростопчинъ своими руками зажегъ строеніе во многихъ мѣстахъ, и все село обратилось въ развалины. Въ Тарутинѣ мы простояли почти мѣсяцъ. Я помѣстилъ свои 30 ротъ слѣва въ батарейной колоннѣ, по дорогѣ, ведущей въ Леташевку, гдѣ была главная квартира. Ночи уже были холодныя, и появлялись заморозки; но солдатушки мои, истинно меня любившіе, построили мнѣ землянку съ печью, такъ что можно было въ ней и зимовать. Впрочемъ она и была мнѣ нужна для многочисленныхъ моихъ занятій, которыя тогда я имѣлъ на счетъ устройства и комплектованія артиллеріи по порученіямъ уважаемыхъ мною генераловъ барона Левенштерна, Ермолова и Коновницына, которые не только безпрерывно присылали ко мнѣ адъютантовъ своихъ, но пріѣзжали и сами. Хлѣбъ, овесъ и мясо доставлялись намъ вполнѣ; но за сѣномъ посылалась обыкновенно третья часть лошадей, которыя привозили оное на вьюкахъ верстъ за 50 и болѣе; а потому выступленіе 12 Октября къ Малому Ярославцу было весьма затруднительное. Рота Мацылева, идущая на хвостѣ, отстала и пропала; три дни я посылалъ ее отыскивать и наконецъ узналъ, что она прошла прямо въ Калугу за обозами, которые всѣ рѣшительно были изъ Леташевки отправлены туда, дабы не сдѣлали затрудненія въ движеніи арміи. Начиная отъ Малаго Ярославца, стали приводить плѣнныхъ и привозить отбитыя непріятельскія орудія. Духъ арміи поднялся, и мы шли довольно скоро съ полною надеждою на успѣхъ. Въ Полотняныхъ Заводахъ я получилъ личное приказаніе главнокомандующаго идти за главною квартирою въ 10-ти или даже 20-ти верстахъ и, сберегая сколько возможно людей, стараться ихъ размѣщать хотя на самыя тѣсныя квартиры. Я тотчасъ выслалъ квартиргеровъ, приказалъ отводить подъ каждую роту отъ 4-хъ до 7-ми

пустыхъ крестьянскихъ домовъ и отправилъ нарочнаго въ Калугу, чтобъ обозы, сдавъ всю кладь мѣстному начальству подъ квитанціи, нагрузились хлѣбомъ и прибыли къ арміи. Это распоряженіе даставило всѣмъ ротамъ на шесть недѣль сухарей, которыхъ достало до самой Вильны, а солдатушки всегда отыскивали сѣно въ лѣсахъ, а овесъ въ ямахъ, такъ что и въ фуражѣ не было недостатка. Отъ резервной артиллеріи требовали иногда одну или двѣ роты для дѣйствія, но онѣ всегда возвращались ко мнѣ. Отъ Ельни до Ошмянъ я жилъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ Никитинымъ и, имѣя множество лошадей во всю дорогу, ни въ чемъ не нуждались; а когда пріѣхалъ Чубаровъ, то даже роскошничали коренною рыбою, привезенною имъ изъ Казани въ большомъ запасѣ.

4-го Ноября прислано мнѣ отъ генер.-квартимейстера приказаніе съ полученія записки немедленно выступить къ Красному; а какъ казакъ пріѣхалъ съ симъ извѣстіемъ въ 4 часа пополудни, то, собравъ всѣ роты, я двинулся въ 6-ть и въ полночь проходилъ главную квартиру, гдѣ все спало. Барона Левенштерна разбудили; онъ удивился, но прочитавъ записку, приказалъ исполнять по оной. Прошедши еще 10 верстъ, увидѣлъ я передовую казачью цѣпь, почему и не рѣшился слѣдовать далѣе, а собиралъ всю артиллерію въ густую батарейную колонну. Главнокомандующій, выѣхавъ въ 6 часовъ утра, удивился, увидѣвъ мою огромную артиллерію и послалъ за мною; но видно, его предупредили, что ошибка не моя, потому что, сказавъ мнѣ: «Куда ты пошелъ впереди казаковъ?» началъ распрашивать о продовольствіи и, узнавъ, что у меня нѣтъ прикрытія, послалъ къ графу Остерману, чтобы прислалъ пѣхотный полкъ. Между тѣмъ мы доѣхали до головы резервной артиллеріи, гдѣ 7 конныхъ и 5 батарейныхъ ротъ уже были построены; главнокомандующій поблагодарилъ меня за отличное оныхъ состояніе и сказалъ: «у тебя, братецъ, свое прикрытіе лучше другихъ», и приказалъ слѣдовать за гвардейскимъ корпусомъ. Но подъ Краснымъ уже не было надобности въ артиллеріи: Французовъ гнали какъ стадо, и они оборонялись только при загражденіи имъ дороги, а обозы, экипажи и даже артиллерію бросали безъ всякой защиты. Послѣ Красненскаго сраженія князь Кутузовъ былъ восхищенъ до слезъ. Съ поля битвы онъ прямо пріѣхалъ на бивуаки Преображенскаго полка; его окружили и поздравляли, а онъ попросилъ чаю и сказалъ: «хочу съ вами и въ кругу перваго полка пожинать лавры». Въ Копысѣ мы простояли три дни, потому что надо было навести мосты чрезъ Днѣпръ, и оставили здѣсь болѣе 10 ротъ, слабѣйшихъ изъ артиллеріи; потому что доставленіе фуража сдѣлалось почти невозможнымъ для столь большаго числа лошадей. Сюда же пріѣхалъ къ арміи Великій Князь, которому я представлялся и, какъ

всегда, былъ принятъ очень ласково. Чрезъ три дни послѣ переправы Французовъ чрезъ Березину, гдѣ они тонули отъ недостатка мостовъ, я прошелъ по льду со всею артиллеріею и даже безъ интерваловъ, что̀ служитъ доказательствомъ жестокости зимы 1812 года. На первой станціи отъ Минска по ту сторону было у насъ много знатныхъ гостей, которые однако уничтожили весь нашъ запасъ; оставался одинъ жареный гусь, но и на него нашелся охотникъ, который одинъ истребилъ всего, отдавъ только одну ногу своему адъютанту. Какъ видно, аппетитъ былъ тогда не дуренъ. На двухъ переходахъ отъ Ошмянъ до Вильны я долженъ былъ высылать 50 человѣкъ впередъ для расчистки дороги, которая была завалена непріятельскими брошенными обозами и артиллеріею, а равно тѣлами и падалью до того, что невозможно было пройти. Въ Вильну я вступилъ въ совершенномъ порядкѣ и прошелъ церемоніально мимо Великаго Князя. Отъ Тарутина до Вильны у меня не было ни умершаго, ни больнаго, ни оставленнаго въ дорогѣ; но зараженный воздухъ въ Вильнѣ и ежедневное назначеніе 100 лошадей для очищенія города погубили баталіонъ. Солдаты мои вывезли 18,000 тѣлъ, но заразились сами, и изъ нихъ въ три недѣли померло 140 человѣкъ. Въ Виленской губерніи вовсе не было почтъ, почему Великій Князь приказалъ мнѣ выставить на 4 станціи лошадей, на которыхъ, благодаря Бога, и пріѣхалъ Государь благополучно. Выходя изъ саней, Его Величество изволилъ мнѣ сказать: «Непримѣтно, что твои лошади сдѣлали такой дальній походъ; на всякомъ переѣздѣ они по нѣскольку разъ принимались нести».

Начальники артиллеріи у насъ безпрерывно мѣнялись. Послѣ убитаго гр. Кутайсова былъ Бухгольцъ, но всего едва-ли двѣ недѣли, потомъ баронъ Левенштернъ; въ Вильнѣ я нашелъ уже Рѣзваго, а передъ выходомъ изъ оной назначили Ермолова. 12-го Декабря пожалованъ мнѣ за Бородинское сраженіе орденъ Св. Владиміра 3-й степени, 26-го же гр. Аракчеевъ прислалъ меня поздравить съ производствомъ за отличіе въ г.-маіоры, а 29-го артиллерія выступила изъ Вильны.

1813 года 1-го Января, я съ баталіономъ пришелъ въ Меречъ, гдѣ получилъ приказъ о производствѣ меня 26-го Декабря 1812 г. въ г.-маіора, одѣлъ эполеты подаренные Борисомъ Фокомъ и написалъ женѣ на адресѣ: «ея превосходительству», зная, что это ее порадуетъ. По милости гр. Аракчеева, я съ ней былъ въ постоянной перепискѣ, чрезъ фельдъ-егерей, что̀ хотя нѣсколько услаждало нашу разлуку. Января 2-го мы перешли по льду чрезъ Нѣманъ въ Польшу. Въ Іоганисбергѣ потребовалъ меня главнокомандующій. Въ пріемной комнатѣ лежалъ дневной рапортъ, изъ котораго я уви-

дѣлъ, что всѣхъ нашихъ регулярныхъ войскъ, кромѣ корпуса гр. Витгенштейна, было за границею 12-го Января 38,000, и этимъ-то повсюду гнали Французовъ. Князь Кутузовъ позвалъ меня въ кабинетъ и приказалъ немедленно ѣхать въ Кенигсбергъ, собрать брошенную тамъ Французами артиллерію и распорядить осаду крѣпости Пилау. Въ Кенигсбергѣ я нашелъ гр. Витгенштейна, который мнѣ объявилъ, что осадная артиллерія утоплена въ рѣкѣ Прегелѣ, что капитуляція Пилау будетъ сегодня подписана, а завтра вступятъ въ нее союзныя Прусскія войска. Я донесъ о семъ главнокомандующему и, не получивъ разрѣшенія вернуться, увидѣлъ, что вся моя командировка заключалась въ интригѣ, чтобы удалить отъ гвардейскаго баталіона. Я уже около десяти лѣтъ, за правоту и усердіе, былъ любимцемъ гр. Аракчеева; а это сдѣлало мнѣ множество непріятелей. Графъ, хотя въ настоящее время еще болѣе пользовался расположеніемъ Государя, но не входилъ уже непосредственно въ военную часть, чѣмъ непріятели мои, сдѣлавшіе связи, воспользовались и приняли намѣреніе если не совсѣмъ погубить меня, то по крайней мѣрѣ удалить изъ гвардіи. Наконецъ, въ Мартѣ получилъ я разрѣшеніе возвратиться къ баталіону, который еще былъ въ Калишѣ; чрезъ три дня гвардія выступила, но на дорогѣ отъ огорченія я занемогъ нервною горячкою и безъ памяти оставленъ въ Равичѣ, гдѣ меня лечилъ искусный докторъ Шварцъ и по милости Божіей спасъ.

Въ концѣ Апрѣля, едва движущійся, я поѣхалъ догонять армію, повстрѣчалъ оную на ретирадѣ отъ Дрездена къ Бауцену и слѣдовалъ при баталіонѣ. Начальникомъ артиллеріи былъ уже князь Яшвиль, который составилъ резервную артиллерію изъ 20-ти ротъ или 240 орудій и, примкнувъ оныя къ гвардейскому баталіону, поручилъ ее въ мое начальство, дабы въ сраженіи дѣйствовать на важный пунктъ съ большею силою. Мая 8 и 9-го происходило Бауценское сраженіе. Французы обошли нашъ правый флангъ, а наши въ 4 часа по полудни снялись и начали отходить въ Силезію. Мнѣ поручено было наблюдать за сохраненіемъ артиллеріи и вести ее въ порядкѣ на дорогу около Гохкирхена, что̀ я исполнилъ, и мы, отступая среди бѣла дня, не потеряли ни одного орудія; даже одинъ единорогъ съ совершенно подбитаго лафета при отступленіи сваленъ и волокомъ притащенъ въ Горлицъ; конечно онъ уже сдѣлался негоднымъ, но и не послужилъ непріятелю трофеемъ. За это обѣщали мнѣ многое, а по интригамъ Сухозанета, бывшаго тогда начальникомъ штаба у князя Яшвиля, я получилъ только Анны 2-й степени, съ брилліантами. На другой день, отрапортовавъ кн. Яшвилю, ожидавшему меня на дорогѣ и получивъ приказанія, я отправился на квартиру, но обдумавъ сдѣланныя предположенія, вернулся къ нему и

доложилъ, что у меня изъ 23-хъ ротъ только три имѣютъ заряды и то неполный комплектъ, что на прибытіе парковъ, которые еще за Калишемъ, надѣяться нельзя и что безъ зарядовъ сраженія подъ Швейдницомъ дать невозможно, а потому просилъ позволенія ѣхать впередъ арміи, чтобы просить зарядовъ у Пруссаковъ. Кн. Яшвиль на это не только согласился, но и благодарилъ. Въ это самое время вошелъ князь Волконскій съ приказаніемъ Государя въ скорости отправить въ аріергардъ батарейную роту, и когда мы сказали, что батарейныхъ зарядовъ почти совсѣмъ нѣтъ, то, обратясь ко мнѣ объявилъ, что гр. Паленъ доноситъ, что безъ подкрѣпленія батарейною ротою не можетъ удерживать непріятеля, на что я отвѣчалъ, что если попытка моя у Пруссаковъ на счетъ зарядовъ не удастся, то батарейную роту рѣшительно нельзя отправить, что въ такомъ случаѣ легкая съ зарядами можетъ быть полезнѣе первой безъ зарядовъ и предлагалъ запрячь тогда легкую въ 6 лошадей, дабы дать ей видъ батарейной и отправить такимъ образомъ въ аріергардъ, чему кн. Волконскій разсмѣялся и пошелъ доложить Государю, а я поскакалъ верхомъ въ Швейдницъ. Здѣсь я нашелъ Прусскаго генерала Тауенцина, объяснилъ ему наше положеніе и просилъ снабдить насъ, хотя взаймы, снарядами и порохомъ; онъ отвѣчалъ, что это очень возможно, потому что у него по близости три крѣпости, всѣмъ снабженныя, но желанія моего исполнить не можетъ безъ позволенія короля. Поблагодаривъ генерала, я въ восторгѣ поскакалъ домой и отправилъ адъютанта Вальца къ кн. Яшвилю, а чрезъ сутки получено и разрѣшеніе короля; генералъ Тауенцинъ сдѣлалъ немедленно распоряженіе. Я приказалъ всѣмъ ротамъ, въ резервѣ состоящимъ и подходившимъ къ Швейдницу, всѣ запасныя вещи переложить на запасные и даже настоящіе лафеты, а всѣ роспуски и пустые зарядные ящики прислать къ моей квартирѣ, которые въ тотъ же день отправилъ съ 3-мя штабъ-офицерами въ крѣпости Глацъ, Нейсе и Зильберберггъ. Ко мнѣ съ возраженіями приходить не смѣли, отчего исполнялось все поспѣшно. Чрезъ три дня въ деревню Петерсвальдъ прибыли мои транспорты и привезли припасовъ на 30,000 зарядовъ; шпигли я велѣлъ еще заранѣе приготовлять хотя струганые съ вызженными гнѣздами, а вмѣсто армяка тутъ же купилъ у гернгутеровъ шерстяную матерію по 17 копѣекъ локоть, и засадилъ всѣ роты вязать заряды, которыми въ двое сутокъ укомплектовалъ всѣ дѣйствующія и резервныя роты. — Признаюсь, много было мнѣ хлопотъ. Сухозанетъ пріѣзжалъ отъ князя Яшвиля раза по два въ день; а генералы Никитинъ и Козенъ, жившіе со мной, выѣхали, говоря: «что у тебя и уснуть не дадутъ», что̀ и было справедливо, ибо въ теченіи недѣли никогда болѣе часу сряду не удавалось поспать.

За это избавленіе арміи отъ бѣдственнаго положенія мнѣ обѣщали золотыя горы, но кн. Яшвиль заболѣлъ, а по интригамъ заступившаго его мѣсто, Сухозанета, которому я никогда не хотѣлъ поклониться, ничего не получилъ и съ этого времени начались противъ меня самыя сильныя козни.—Чрезъ нѣсколько дней заключили перемиріе на мѣсяцъ, а потомъ еще на двѣ недѣли, и на это время назначены квартиры для резервной артиллеріи въ селеніяхъ между городами Франкенштейномъ и Минстербергомъ, въ среди которыхъ я помѣстился въ замкѣ графа Шлабендорфа,—Штольце, лежащемъ въ садахъ и оранжереяхъ и провелъ здѣсь шесть недѣль, въ продолженіи которыхъ всѣ роты приведены были въ совершенную исправность, въ чемъ я удостовѣрился произведеннымъ инспекторскимъ смотромъ. Слабѣйшія три я разформировалъ для укомплектованія прочихъ и отправилъ оныя въ Россію; снабженіе войскъ зарядами и потронами производилось безостановочно,—словомъ, все зависящее отъ меня какъ начальника резервной артиллеріи было сдѣлано и къ концу перемирія вся армія была укомплектована, для чего часто ѣздилъ въ главныя квартиры: Государя, главнокомандующаго и В. Князя, который, по всегдашней своей ко мнѣ благосклонности, весьма часто оставлялъ у себя пить чай.—Въ Штольцѣ получилъ я горестное извѣстіе о кончинѣ доброй матушки, что чрезвычайно меня поразило, и въ тотъ день я никого не принималъ и не выходилъ изъ кабинета.—По Воскресеньямъ въ садахъ Штольца играли по моему приказанію два хора музыки и всегда было очень много гуляющихъ. Здѣсь я познакомился съ управляющими всею Силезіею; ихъ было четыре совѣтника и при каждомъ по одному писарю, а между тѣмъ по всѣмъ частямъ существовали чрезвычайный порядокъ и скорость въ исполненіи даже въ военное время. Пруссія, по крайней мѣрѣ въ это время, есть безъ сомнѣнія самое благоустроенное государство въ Европѣ, и много можно съ пользою позаимствовать изъ внутренняго ея устройства. Во время перемирія продовольствіе было очень хорошо; людей кормили жители, а на лошадей отпускали сполна фуражъ шульцы или старосты, которымъ выдавались квитанціи; они же представляли оныя регирунгсрату въ счетъ податей по опредѣленной цѣнѣ за человѣка и лошадей, чѣмъ и кончался весь расчетъ. Къ концу перемирія поступило изъ резерва въ укомплектованные корпуса войскъ 11-ть артиллерійскихъ ротъ, а 12-я осталась въ резервной артиллеріи.

Однажды въ это время, главнокомандующій спросилъ моего мнѣнія, отъ какихъ причинъ парки всегда неисправны и скоро совершенно разстроиваются. Я отвѣчалъ рапортомъ, что каждый паркъ сформированъ изъ людей данныхъ отъ всѣхъ полковъ, слѣдовательно самыхъ дурныхъ, изъ 560 пожертвованныхъ лошадей, не всегда доб-

росовѣстно поступающихъ въ паркъ, 172 повозокъ, и что нерѣдко командиромъ такого огромнаго парка назначаютъ офицера только что выпущеннаго изъ корпуса; слѣдовательно отъ таковаго парка и нельзя ожидать успѣшнаго дѣйствія, и покуда не дадутъ имъ правильнаго устройства, они всегда будутъ неисправны. Но на рапортъ этотъ, посланный къ инспектору, не было никакого отѣта и распоряженія.

Въ концѣ Іюля началась война. Мы выступили прямо чрезъ Богемію къ Дрездену, гдѣ Австрійцевъ пощипали, и насъ обратно повели чрезъ Аннебергъ по дорогѣ выбитой въ горахъ изъ камня, по которой и крестьяне рѣдко ѣздятъ. Его Высочества рота снялась послѣдняя съ позиціи; но какъ у меня лошади были кругомъ кованы, то я всю полевую артиллерію на привалахъ обошелъ, и ежели бы не обязанъ былъ оставаться въ хвостѣ колонны для наблюденія, чтобы въ случаѣ ломки ящика или пушки не оставляли ихъ на дорогѣ, то съ передними поспѣлъ бы къ окончанію Кульмскаго сраженія. При ретирадѣ отъ Дрездена, чтобы спасти артиллерію, не впускали на дорогу обозы, отчего пушки гвардейской артиллеріи были всѣ захвачены непріятелемъ; благодаря расторопности моихъ людей, въ этой суматохѣ были спасены моя бричка и ящикъ съ казенными деньгами. По порученію Государя Великій Князь осматривалъ артиллерію. Гвардейская вся была въ парадѣ, а полевая не могла выйти, потому что до половины лошадей были подбиты на заднія ноги, до того что сидѣли на подобіе собакъ, и большая часть изъ оныхъ пала. Въ это же время, по проискамъ Сухозанета, чтобъ удалить меня изъ гвардіи, назначенъ я былъ начальникомъ артиллеріи въ корпусъ генерала Сакена; но великодушный Великій Князь заступленіемъ своимъ интригу эту уничтожилъ.

До половины Сентября простоялъ я въ Беллинѣ, откуда выступили къ Лейпцигу, но 7 дней простояли около Альтенбурга, гдѣ подъ 22-ѣ роты моей резервной артиллеріи отвели 24 крестьянскихъ дома; въ каждую роту далъ я по одному, и офицеры имѣли также хорошее помѣщеніе. Хозяева кормили отлично какъ людей, такъ и лошадей, и сверхъ того на дорогу отпустили на 4 дни хлѣба и фуража, которыхъ и досталось съ избыткомъ на все время Лейпцигскаго сраженія, т. е. 4, 5, 6 и 7 Октября 1813 г. Алтенбургское герцогство, всего 9 квадратныхъ миль, есть богатѣйшая земля въ мірѣ, а жители носятъ особый костюмъ одежды.

Французы ретировались изъ Лейпцига съ такою поспѣшностью, что мы не могли ихъ догнать; въ городѣ Галѣ я получилъ повелѣніе немедленно отправиться въ Алтенбургъ, принять въ свое вѣдѣніе направленныя туда съ мѣста сраженія семь ротъ и изъ Россіи партіи людей и лошадей, которыми пополнить убыль въ ротахъ,

также исправить реквизиціею всю артиллерію и потомъ форсированными маршами съ ротами догнать армію. Но прибывъ въ Алтенбургъ, я увидѣлъ, что это новая интрига, чтобъ удалить меня отъ гвардіи, интрига, для которой пожертвовали семью исправными ротами, а люди и лошади изъ Россіи для пополненія убыли въ сихъ ротахъ никогда сюда направляемы не были. Въ Алтенбургѣ я прожилъ $2^1/_2$ мѣсяца и нашелъ тутъ много раненныхъ генераловъ. Времени свободнаго у меня было довольно, потому что совсѣмъ не было нужды укомплектовывать исправныя роты. Я познакомился съ мѣстными властями и жителями, и всякое Воскресенье въ домѣ, гдѣ я жилъ, давались публичные балы, на которые изъ монастыря, гдѣ воспитывались 24 дѣвицы лучшихъ фамилій, отпускалось по 6-ти; мнѣ ихъ довѣряли, и я ихъ привозилъ и отвозилъ въ своемъ экипажѣ. Время проходило довольно пріятно, какъ вдругъ все измѣнилось. Дрезденская капитуляція, заключенная маршаломъ Сентъ-Спромъ съ графами Кленау и Толстымъ, не утвердилась монархами. Австрійской службы полковникъ графъ Латуръ привезъ мнѣ повелѣніе ихъ величествъ: идущаго во Францію маршала С. Сира съ 26,000 войска (изъ коихъ 1,500 офицеровъ, 60 жандармовъ и 600 рядовыхъ, вооружены и имѣли два орудія) остановить въ Алтенбургѣ и предложить ему, чтобы сдался военно-плѣннымъ или шелъ обратно въ Дрезденъ и защищался. Для исполненія сего графъ Латуръ отдалъ въ мою команду Венгерскій гусарскій полкъ, конвоирующій Французовъ и объявилъ, что графъ Кленау долженъ будетъ пріѣхать самъ, послѣ чего отправился къ Дрездену, а я послалъ адъютанта своего Бальца къ управляющему Саксоніею князю Репнину съ просьбой прислать въ Алтенбургъ поболѣе пѣхоты и прибыть самому для столь важнаго дѣла; но онъ сказался больнымъ, откомандировалъ ко мнѣ два баталіона и нѣсколько командъ разныхъ Германскихъ княжествъ, которыя всѣ прибыли на другой день и расположены мною въ городѣ на бивуакахъ. На слѣдующій день пріѣхалъ маршалъ С. Сиръ въ великолѣпной каретѣ, окруженной 60-ю жандармами. Я отправился къ нему и предложилъ почетный караулъ, который онъ принялъ. Вечеромъ пришла 1-я колонна и размѣщена въ семи верстахъ за городомъ; прочія же пять колоннъ оставались по дорогѣ отъ Дрездена, на одинъ переходъ одна отъ другой, а генералы всѣ помѣстились въ Алтенбургѣ. По войскамъ же мнѣ ввѣреннымъ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы одна рота артиллеріи стояла на площади во всей готовности, шесть эскадроновъ Венгерскихъ гусаръ помѣстилъ на тѣсныя квартиры въ городѣ, а четыре поставилъ между Французскими колонами по дорогѣ къ Дрездену, съ тѣмъ, чтобъ прервать между ними всякое сообщеніе и всѣ повелѣнія въ колонны и донесенія отъ нихъ проходили не запечатан-

ныя, не иначе какъ чрезъ меня, и въ этомъ положеніи всѣ Французы должны были дневать на слѣдующій день. Въ вечеръ того же дня возвратился графъ Латуръ съ извѣстіемъ, что графы Кленау и Толстой ему объявили, что, заключивъ конвенцію по даннымъ имъ полномочіямъ, они къ уничтоженію оной дѣйствовать не могутъ, сверхъ того по болѣзни ѣхать въ Алтенбургъ не въ состояніи и войскъ для отправленія туда не имѣютъ. Слѣдовательно они, надѣлавъ путаницу, предоставляли развязать оную другому, и этотъ другой былъ я. На слѣдующее утро графъ Латуръ и я поѣхали къ С. Сиру; онъ принялъ насъ хорошо, но когда мы объявили ему волю монарховъ, вскочилъ и началъ ходить, потомъ сказалъ: «Это самое безчестное дѣло, и неужели вы думаете, что я, посѣдѣвшій на полѣ брани, сталъ бы трактовать съ вашими Кленау и Толстымъ, ежели бы они не предъявили ясныхъ полномочій? Впрочемъ я раненъ и боленъ, сдаю сейчасъ корпусъ графу Лобау и прошу васъ обратиться къ нему». Мы оба тотчасъ догадались, что съ Лобау дѣла не кончимъ и объявили маршалу, что не имѣемъ права трактовать съ другимъ, а потому просимъ его отвѣта, который если не будетъ удовлетворенъ, то графъ Латуръ отвезетъ оный союзнымъ монархамъ для испрошенія дальнѣйшихъ приказаній. «Хорошо, сказалъ С. Сиръ, на это я согласенъ, но чтобы отвѣтъ былъ не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли». Съ этимъ и отправился графъ Латуръ; а я, возвратясь домой, нашелъ у себя почти всѣхъ Французскихъ генераловъ, имѣющихъ виды отъ графовъ Кленау и Толстаго отправиться во Францію, съ жалобами, что имъ не даютъ лошадей. Я имъ отвѣчалъ, что это отъ меня не зависитъ и совѣтывалъ обратиться къ мѣстному начальству. Они отправились, а я зналъ, что не уѣдутъ; потому что, узнавъ отъ Венгерскаго полковника о сихъ пашпортахъ, еще наканунѣ забралъ съ трехъ станцій всѣхъ почтовыхъ лошадей и, запретивъ говорить, что онѣ у меня, приказалъ объявлять спрашивающимъ о чрезвычайномъ разгонѣ подъ моихъ курьеровъ и нарочныхъ. Двѣ недѣли мы прожили съ С. Сиромъ довольно пріятельски: я къ нему ѣздилъ дни чрезъ два, а онъ всякой разъ возвращалъ визитъ и всегда просиживалъ по часу. Наконецъ, въ день срока, получилъ я повелѣніе съ объявленіемъ воли союзныхъ монарховъ, чтобы С. Сиръ исполнилъ неизмѣняемое ихъ требованіе. Я тотчасъ поѣхалъ съ онымъ къ маршалу, который, улыбаясь, сказалъ: «Развѣ вы въ силахъ остановить меня?» на что я отвѣчалъ, что буду всѣми силами исполнять приказаніе моего Государя и что нынѣ рѣка Рейнъ вся занята союзными арміями; слѣдовательно, если онъ и пройдетъ чрезъ меня, то въ нѣсколькихъ переходахъ будетъ окруженъ и уже насильно взятъ въ плѣнъ. На это маршалъ отвѣчалъ: «Вы правы, я сдаюсь

военноплѣннымъ; куда же вы насъ отправите?» «Въ Берлинъ», отвѣчалъ я, и послѣ сего разстался съ нимъ; а чрезъ день выпроводилъ всѣхъ Французовъ изъ Алтенбурга подъ прикрытіемъ того же Венгерскаго гусарскаго полка. Это дѣло было для меня чрезвычайно затруднительное. Благодарю Бога и теперь, что оно такъ благополучно кончилось. Каждый другой получилъ бы за подобное дѣйствіе нѣсколько огромныхъ наградъ, а мнѣ и спасиба не сказали.

Въ концѣ Декабря получилъ я приказаніе отправить роты къ своимъ корпусамъ и самому ѣхать къ главной арміи чрезъ Базель, почему я отправился изъ Алтенбурга 28 числа. Садясь въ коляску, я получилъ письмо отъ начальницы монастыря, въ которомъ она и всѣ ея воспитанницы въ весьма пріятныхъ выраженіяхъ благодарили меня за доставленныя имъ удовольствія. Письмо это до сихъ поръ у меня хранится. На переправѣ чрезъ горы между Саксоніей и Баваріею холодъ былъ во всѣ дни болѣе 22-хъ градусовъ; а въ Барейтѣ, въ высочайшемъ приказѣ отъ 1-го Января 1814 года, увидѣлъ я, что Сухозанетъ достигъ своей цѣли: полковникъ Таубе, его креатура, назначенъ былъ вмѣсто меня командиромъ гвардейской артиллеріи. Въ Базелѣ встрѣтили меня граждане съ торжествомъ, какъ внука уроженца ихъ великаго Эйлера. Въ Люрѣ былъ я очевидцемъ, какъ страдаютъ Французы отъ холода: печей въ домахъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, а ставятъ временно посреди горницы желѣзныя, около которыхъ цѣлыя семейства по цѣлымъ днямъ сидятъ въ угарѣ, сложа руки, и спятъ подъ пуховиками. Въ Труа, не доѣхавъ около ста верстъ до арміи, получилъ я повелѣніе отъ главнокомандовавшаго генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли вернуться въ Алткирхъ и учредить тамъ артиллерійское депо, куда я и прибылъ въ началѣ Февраля. Въ слѣдъ за мною пришли туда 4 роты и 3 запасные парка, но дѣло это было безполезно, потому что генералъ Аликсъ прервалъ комуникацію съ арміею. Въ половинѣ Марта депо было совершенно устроено; 22-го числа узналъ я, что союзныя войска вступили въ Парижъ, а въ концѣ мѣсяца, что Наполеонъ отрѣшенъ, что Людовикъ XVIII провозглашенъ королемъ и что заключенъ миръ. Въ Февралѣ проѣзжали чрезъ Алткирхъ великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ; но доѣхали только до Люра, потому что комуникація была прервана. Ихъ Высочества вернулись въ Базель, гдѣ я три раза у нихъ обѣдалъ и видѣлъ ядро, которымъ изъ Бофора въ нихъ выстрѣлено. Послѣ заключенія мира проѣзжала также чрезъ Алткирхъ императрица Марія Луиза съ маршальшею Ланъ; Австрійскіе генералы и чиновники ожидали ее у почтоваго двора, но она закрыла окно и, пересѣвъ на другую сторону, подозвала къ себѣ Францу-

зовъ, съ которыми прощалась, а когда увидѣла подходящихъ Австрійцевъ, то приказала ѣхать скорѣе.

Въ Маѣ мое депо разошлось, и я отправился на Страсбургъ; въ Фортъ-Луи переправился чрезъ Рейнъ по мосту, а въ Саксоніи примкнулъ къ гренадерскому корпусу, въ которомъ назначенъ былъ начальникомъ артиллеріи и слѣдовалъ съ нимъ до Россіи. Во всякомъ городкѣ Пруссіи давали намъ балы, а въ Тильзитѣ Милорадовичъ на прощаньи далъ великолѣпную иллюминацію, которая стоила 10,000 рублей. На другой день изъ Таурогена я отправился въ С.-Петербургъ для сдачи гвардейскаго баталіона и, не смотря на то, что я назначилъ вдвое болѣе чѣмъ бы слѣдовало на всѣ вещи, требующія исправленія или перемѣны, Таубе всячески старался притѣснить меня. Въ скоромъ времени, по возвращеніи изъ похода, случились съ нимъ одно за другимъ нѣсколько непріятныхъ происшествій, которыя Государь узнавъ, былъ чрезвычайно раздосадованъ, чѣмъ благородные мои непріятели воспользовались и доложили Его Величеству, что все происшедшее произведено по моимъ интригамъ и наставленіямъ, тогда какъ я цѣлый годъ никого изъ офицеровъ гвардейской артиллеріи не видалъ и ни съ кѣмъ въ перепискѣ не былъ. Боже мой, до чего не доходятъ зависть и злоба! Описаніе сихъ происшествій къ моей жизни не относится, хотя я за оныя болѣе шести лѣтъ безвинно несъ на себѣ гнѣвъ обожаемаго Государя. Все это время, служивъ съ прежнимъ усердіемъ, я не только не получилъ никакой награды, но даже Государь иногда, увидѣвъ меня, отворачивался, чему многіе весьма радовались; меня же, при всемъ спокойствіи совѣсти, это чрезвычайно огорчало и даже убивало. Я нерѣдко предполагалъ оставить службу, но любя искренно свое семейство, жертвовалъ для него своими непріятностями.

Ноября 23-го 1815 года, назначенъ я командиромъ 13-ти ротъ, въ Орловской губерніи расположенныхъ; но прежде отъѣзда я долженъ былъ осмотрѣть и отправить по назначенію роты, до сего бывшія въ моей командѣ, что̀ и исполнилъ въ Декабрѣ, а вернувшись начали мы сбираться въ Орелъ и прощаться съ родными и знакомыми. 1816 года, въ половинѣ Января, пріѣхала съ мужемъ сестра жены Изюмова, образецъ кротости и ума, и остановилась у насъ; а я, передавъ имъ квартиру, 28-го числа отправился въ дорогу со всѣмъ семействомъ.

Знакомство наше въ Орлѣ было обширно и заключалось съ домами: гр. Каменскаго и его матерью, статсъ-дамою; съ генералами: барономъ Корфомъ, Зассомъ, Леонтьевымъ, Уваровымъ, Дистэрло, Арсеньевымъ, гр. Чернышевымъ, сенаторомъ Тепловымъ, сестрами Кругликовыми, Яковлевымъ, Соковнинымъ, кн. Трубецкимъ, Потемкинымъ, Филиповымъ и Веверомъ; но въ тѣсномъ кругу мы жили

съ Давыдовымъ, Ермоловымъ, Надаржинской, Варварой и Елисаветой Безобразовыми и Полозовыми, отцомъ и сыномъ.

Въ 1817 же году увѣдомили меня о смерти Таубе и о томъ, что послѣ оказалось, что онъ промоталъ казенныхъ и солдатскихъ денегъ 80,000 рубл., которые великодушный Великій Князь Константинъ Павловичъ заплатилъ. И вотъ для какого человѣка мною пожертвовали, вотъ за кого безвинно страдалъ я шесть лѣтъ!

Роты свои я расквартировалъ каждую на 5,000 душахъ, отчего люди, не обременяя хозяевъ, имѣли всегда хорошую пищу, отъ которой здоровѣли, и никогда не было болѣе 10 человѣкъ больныхъ, а умерло изъ всѣхъ 13-ти ротъ въ три года всего шесть человѣкъ. Для содержанія карауловъ въ Орлѣ, приходила поочереди одна рота на мѣсяцъ; я наблюдалъ за ея одиночнымъ ученьемъ и пріучалъ къ правиламъ гарнизонной службы. По просьбѣ графа Каменскаго, я наряжалъ къ его театру караулъ, при чемъ офицеръ пользовался мѣстомъ въ спектаклѣ, нижніе же чины получали каждый разъ по 25 рублей; а какъ театръ бывалъ шесть разъ въ недѣлю, то рота имѣла въ мѣсяцъ 600 рублей, которыхъ и было достаточно для улучшенія ихъ пищи и жизни вообще. Ежегодно весь Іюнь мѣсяцъ, всѣ роты стояли въ общемъ лагерѣ, что̀ знакомило ихъ съ лагерною и пѣхотною службами, и смѣло могу сказать, что роты мнѣ ввѣренныя, кромѣ своей артиллеріи, могли стать на ряду съ лучшими пѣхотными войсками. Ежегодно дѣлалъ я смотры всѣмъ ротамъ: инспекторскій—весною, а строевой предъ выходомъ изъ лагеря, который заключался общимъ линейнымъ ученьемъ. Въ 1816 году пріѣзжалъ въ Орелъ инспектировать 2-ю кирасирскую дивизію князь Барклай-де-Толли. Онъ мои роты не смотрѣлъ, но видѣлъ караулы и хвалилъ выправку и знаніе порядка службы; заѣзжалъ въ госпиталь и спросилъ: «гдѣ же ваши больные?». Я донесъ, что теперь всего шесть человѣкъ и никогда болѣе десяти не бываетъ; онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «мнѣ давно извѣстно, что ввѣряемыя вамъ части всегда содержались въ отличномъ порядкѣ». Вслѣдъ за фельдмаршаломъ проѣзжалъ Великій Князь Николай Павловичъ и смотрѣлъ только караулы и госпиталь, вездѣ былъ доволенъ и благодарилъ; но въ обратный проѣздъ Его Высочество сдѣлалъ мнѣ справедливое замѣчаніе, зачѣмъ я допустилъ красные султаны на музыкантахъ, тогда какъ оные въ артиллерію не положены. Въ Августѣ того же года пожаловалъ въ Орелъ Императоръ. Караулы въ городѣ, при квартирѣ и уборной Его Величества, содержались отъ артиллерійскихъ ротъ; на третій день были произведены маневры 2-ю кирасирскою дивизіею, при которыхъ мои роты, сформированныя въ 5 баталіоновъ, представляли пѣхоту. Люди понравились Государю, и Его Величество приказалъ выбрать изъ нихъ 60 человѣкъ,

что̀ я исполнилъ по совѣсти и показалъ выбранныхъ въ квартирѣ Императора, гдѣ одного онъ назначилъ въ конную гвардію, а прочихъ приказалъ отправить въ гвардейскую артиллерію. Государь очевидно былъ всѣмъ доволенъ; но, гнѣваясь на меня истинно безвинно, не благодарилъ, какъ обыкновенно. Осенью пріѣзжалъ Вел. Князь Михаилъ Павловичъ; я встрѣтилъ его въ Борисоглѣбскѣ, за 50 верстъ. Его Высочество былъ очень милостивъ, на другой день смотрѣлъ артиллерію въ баталіонномъ ученьи, а на третій былъ у развода, изъявилъ за все свое удовольствіе и благодаря сказалъ: «твои роты лучше пѣхоты знаютъ фрунтовую службу». Предъ отъѣздомъ, Его Высочество смотрѣлъ лошадей, выбранныхъ Императоромъ въ гвардейскую артиллерію, распредѣлилъ ихъ поротно и приказалъ написать генералу Козену (тогдашнему инспектору гвардейской артиллеріи), что желаетъ, чтобы люди эти по теперешнему его назначенію были назначены въ роты. Въ 1817 году, до вояжа Государя, я посланъ былъ инспекторомъ въ Калугу, Бобруйскъ и Несвижъ для приведенія въ порядокъ тамошнихъ складовъ и артиллерійскихъ ротъ; но слава Богу, что Императоръ ихъ не смотрѣлъ, потому что все было въ ужасномъ хаосѣ. Въ 1818 году, весною, главнокомандующій Сакенъ осматривалъ 2-ю кирасирскую дивизію, былъ у моего развода, посѣщалъ госпиталь и за все объявилъ свою благодарность. (Въ этомъ же году возвратился изъ Франціи корпусъ графа Воронцова, а съ нимъ и 5-ть артиллерійскихъ парковъ, которые поступили въ мою команду и расположились въ Брянскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ). Вскорѣ послѣ его отъѣзда, я имѣлъ порученіе закупить 60,000 пудъ селитры, почему и объѣзжалъ губерніи Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую и Воронежскую, и вездѣ, для отклоненія отъ себя подозрѣній, составлялъ въ губернскихъ городахъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей, комитеты, посредствомъ которыхъ и купилъ селитру, въ сложности, четырьмя рублями на пудъ дешевле существовавшей цѣны. Операція эта была болѣе чѣмъ на милліонъ рублей; но я поступилъ честно и не могъ подѣлиться, а за то и спасиба не получилъ. Въ Октябрѣ проѣзжалъ чрезъ Орелъ графъ Аракчеевъ, и я ожидалъ его съ рапортомъ; онъ принялъ меня очень ласково наединѣ въ кабинетѣ, но ни слова не сказалъ о намѣреніи взять меня къ себѣ. 1819 же года, въ концѣ Марта, я получилъ высочайшій приказъ о назначеніи меня начальникомъ артиллеріи въ Новгородское военное поселеніе, а вмѣстѣ съ онымъ письмо графа, чтобы я скорѣе пріѣхалъ и прислалъ къ нему чрезъ того же фельдегеря записки о двухъ штабъ-офицерахъ и по пяти съ роты лучшихъ мастеровыхъ, для перевода оныхъ въ тоже поселеніе: первыхъ, для занятія должностей, а послѣднихъ для работъ. Коман-

диры ротъ, узнавъ о скоромъ моемъ отъѣздѣ, собрались въ Орлѣ и дали мнѣ на прощаньи довольно большой фейерверкъ и столь отличный, что такого, какъ говорили городскіе жители, собравшіеся на оный, никогда еще не видали; послѣ фейерверка пригласили они меня съ семействомъ къ себѣ на вечеръ, гдѣ все были артиллеристы; за ужиномъ пили мое здоровье и поднесли мнѣ на память серебряный кубокъ, который желаю, чтобы навсегда сохранился въ старшей нисходящей моей линіи, въ память того, что можно быть взыскательнымъ по службѣ, но не жестокимъ и что любовь подчиненныхъ пріобрѣтается справедливостью.

Апрѣля 10-го я сдалъ свою команду полковнику Брамсу и 13-го отправился въ Петербургъ; по прибытіи, на другой день представлялся графу Аракчееву; 28-го поѣхалъ въ поселеніе, гдѣ получилъ квартиру въ деревнѣ Коломнѣ, на лѣвомъ берегу Волхова, а 1-го Мая начались уже общія работы построенія каменныхъ штабовъ и деревянныхъ строеній для поселянъ, устройство дорогъ, бульваровъ, мостовъ и трубъ, что̀ и производилось ежедневно кромѣ Воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ команду мою поступило 9 резервныхъ, 3 парковыя роты, въ которыя по моему представленію дано для обученія 12 орудій съ лошадьми, и 4 конноработчія команды, учрежденныя для перевозки матеріаловъ; а сверхъ того графъ поручилъ мнѣ главный надзоръ при построеніи двухъ поселенныхъ ротъ его полка. Въ концѣ Іюля пріѣзжалъ Государь, осматривалъ всѣ работы, былъ очень доволенъ, и въ первый разъ послѣ шести лѣтъ Его Величество удостоилъ меня своимъ разговоромъ.—При осмотрѣ моемъ въ ротѣ Ш.объявлено много претензій, что̀ заставило меня отрѣшить его отъ команды, а онъ, не сдавъ роты, уѣхалъ безъ позволенія къ себѣ въ деревню въ Екатеринославскую губернію; его привезли за карауломъ, графъ намѣревался предать его суду, и онъ навѣрно былъ бы солдатомъ; однакожъ я упросилъ графа смягчить заслуженное наказаніе отставкою и запрещеніемъ принимать въ службу. Октября 1-го окончены работы строевыми войсками, и я остался старшимъ въ поселеніи. По Субботамъ собирался у меня комитетъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ; они объявляли мнѣ свои надобности, которымъ я составлялъ общую записку и посылалъ въ Петербургъ къ графу; онъ возвращалъ ихъ съ резолюціею, и въ слѣдующую Субботу я могъ уже давать разрѣшенія, что̀ много ускоряло ходъ дѣлъ. 1820-го года 1-го Января поступили въ мою команду оба военно-рабочіе баталіона, № 5 и 7, съ дѣловыми дворами, въ которыхъ я нашелъ десятаго человѣка больнымъ, противъ чего немедленно принялъ строжайшія мѣры и представилъ графу, чтобы 1) для успокоенія совѣсти и поддержанія правилъ вѣры, позволить нижнимъ чинамъ держать всѣ посты и допустить говѣть въ

великій постъ, и 2) назначить отдыхъ отъ работъ на Сырной недѣлѣ 3 дни, для говѣнья недѣлю, на Страстной недѣлѣ 3 дни, и въ Пасху и Рождество по недѣлѣ. Графъ долго на это не соглашался, опасаясь большой остановки работъ, но я упросилъ его и, внушивъ солдатамъ, какъ велико сдѣланное имъ благодѣяніе, былъ вполнѣ вознагражденъ за мою о нихъ заботливость, которая придавала мастеровымъ охоту и усердіе къ ихъ занятіямъ. Въ Февралѣ изволилъ пріѣзжать Императоръ на нѣсколько часовъ, осматривалъ всѣ мои зимнія работы, былъ всѣмъ очень доволенъ, благодарилъ и, прощаясь, Его Величество сказалъ мнѣ: «я завидую тебѣ; ты живешь въ удаленіи отъ суеты мірской, въ кругу своего семейства; я желалъ бы быть на твоемъ мѣстѣ». Въ концѣ Апрѣля прибыли съ зимнихъ квартиръ въ округи поселенія строевыя войска и расположились на бивуакахъ, устроенныхъ ими собственными средствами, безъ расходовъ отъ казны, а 1-го Мая начали производить работы по росписанію. На что не способенъ Русскій солдатъ! Строевыя войска употреблялись не только во всѣ земляныя работы, къ вырубкѣ бревенъ и дровъ и прогону ихъ по рѣкамъ, но они же производили выдѣлку кирпича, выломку плиты, обжогъ оный на известь и рѣшительно всѣ плотничныя, пильныя, каменныя, печныя и щекатурныя работы, которыми и занимались по пяти дней въ каждую недѣлю, а по Субботамъ производили ученья и, по словамъ самого Императора, были по строевой части лучше войскъ въ арміи. Графъ Аракчеевъ поручилъ въ мою команду и полное распоряженіе: Свинорѣцкую вотчину, флотилію, состоящую изъ 3-хъ пароходовъ, 7-ми ботовъ и 30-ти семириковъ, употребляемыхъ для перевозки матеріаловъ, и всѣ работы по построенію въ полку короля Прусскаго, по выломкѣ плиты, по приготовленію извести и по перевозкамъ на лошадяхъ и на судахъ флотиліи, чѣмъ занятія мои распространялись до чрезвычайности; но графъ Аракчеевъ, желая воспользоваться моимъ усердіемъ и распорядительностію, давалъ мнѣ за то и всѣ средства къ успѣхамъ въ исполненіи. Работы въ полку графа подходили къ концу, почему онъ приказалъ отвести мнѣ просторную квартиру въ купленномъ господскомъ домѣ съ садомъ, куда я съ семействомъ переѣхалъ въ началѣ Іюня, а въ концѣ посѣтилъ поселеніе Государь. Проѣзжая по работамъ, Его Величество изволилъ заѣхать ко мнѣ; жена съ дѣтьми встрѣтила его у коляски. Императоръ подалъ ей руку и велъ до гостинной; старшая дочь поднесла ему чай, и Его Величество, выкушавъ чашку и пробывъ еще $^1/_4$ часа, изволилъ отправиться далѣе; а на другой день я получилъ отъ графа Аракчеева бумагу, что всѣ дѣти мои всемилостивѣйше приняты на счетъ Государя: дочери въ Екатерининскій институтъ, а сыновья въ Пажескій корпусъ. Въ Ноябрѣ графъ возложилъ на ме-

ня, сверхъ всѣхъ прежнихъ занятій, и заготовленіе бревенъ и дровъ для всего поселенія, которыхъ ежегодно требовалось первыхъ до 180,000, а дровъ до 12,000 кубическихъ саженъ. Въ Февралѣ 1821-го года я просилъ позволенія у графа отлучиться въ Петербургъ и получилъ собственноручное его слѣдующее распоряженіе: «Позволяется вашему превосходительству, не спрашиваясь, отъѣзжать во всякое время, куда захотите и на какое время пожелаете». Вѣроятно, позволенія такого никто никогда и ни отъ кого не имѣлъ, и оно доказываетъ неограниченную ко мнѣ довѣренность графа. Зима этого года была малоснѣжна, почему предъ вскрытіемъ водъ отправился я въ Рышевскую волость, чтобы подъ своимъ распоряженіемъ произвести по малымъ рѣкамъ сплавъ огромнаго количества бревенъ и дровъ; для сего прожилъ я тамъ три недѣли и успѣшно кончилъ эту операцію. 1-го Мая, строевыя войска, прибывъ въ поселеніе, вступили въ работы, а въ концѣ Іюня пріѣзжалъ Государь, пробылъ три дни и осматривалъ всѣ строенія и войска въ парадѣ; во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень доволенъ, изъявилъ всѣмъ совершенную благодарность и пожаловалъ мнѣ бриліантовую табакерку съ своимъ вензелемъ. Въ Ноябрѣ потребовалъ отъ меня графъ свѣдѣніе, сколько бревенъ и какихъ размѣровъ можно еще вырубить въ огромныхъ лѣсахъ Хубецкой и Рышевской волостей; я донесъ, что лѣса до того завалены, что я никакого даже приблизительнаго свѣдѣнія дать не могу. Меня потребовали въ Петербургъ, и графъ, хотя разсерженный, но принялъ чрезвычайно вѣжливо, самъ подвинулъ стулъ, посадилъ и началъ вымогать требуемое свѣдѣніе, говоря, что этого желаетъ Государь; но я остался непреклоннымъ, доказывая въ теченіи 2-хъ часовъ дѣйствительную невозможность дать удовлетворительный отвѣтъ. Послѣ сего графъ подъ разными предлогами не принималъ меня двѣ недѣли, а когда я пріѣзжалъ чрезъ день, то всегда генералъ Клейнмихель спрашивалъ, не скучно ли мнѣ въ Петербургѣ одному, и хотя я дѣйствительно скучалъ, но зная, что спросы эти отъ графа, всегда говорилъ, что живу къ кругу родныхъ и знакомыхъ очень весело. Пріѣхавъ въ день Рождества, я просилъ адъютанта меня записать, но адъютантъ побѣжалъ и доложилъ графу, который принялъ меня весьма милостиво, нѣсколько разъ поцѣловался и сказалъ, что теперь дѣла до меня не имѣетъ и что я могу ѣхать; но ежели желаю, то могу прожить и въ столицѣ, сколько угодно. Конечно, я выбралъ первое и чрезъ часъ былъ уже въ дорогѣ и вскорѣ по прибытіи принялъ въ свое вѣдѣніе устроенные въ поселеніи паровой лѣсопильный заводъ и подъ Новгородомъ на Голандскій манеръ вѣтренную мукомольную о 4-хъ поставахъ мельницу, дѣйствіями которыхъ графъ по справедливости былъ недоволенъ, почему и поручилъ оные подъ мой надзоръ.

Въ концѣ Февраля 1822-го года я опять просилъ позволенія у графа отлучиться въ Петербургъ, и онъ написалъ слѣдующую резолюцію: «Ваше превосходительство имѣете позволеніе во всякое время ѣздить куда вамъ угодно; а потому если впредь пришлете подобное прошеніе, то оное останется безъ отвѣта», послѣ чего я уже не спрашиваясь всегда отъѣзжалъ, куда имѣлъ надобность. Въ Петербургѣ я представлялся Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, которые меня тотчасъ весьма милостиво приняли во внутреннихъ комнатахъ, а Его Высочество Михаилъ возилъ съ собой и показывалъ заведенное имъ артиллерійское училище. Послѣ столь ласковаго пріема всѣ гвардейскіе генералы, какъ это обыкновенно бываетъ, подходили ко мнѣ и искали моего знакомства.

Въ Апрѣлѣ я получилъ приказаніе графа принять въ свое вѣдѣніе въ Новгородѣ домъ бывшій вице-губернатора, купленный у полковника Акермана для помѣщенія чиновниковъ и перестроить оный въ путевой дворецъ для Государя, также пріискать и нанять квартиру для самого графа и отдѣлать ее немедленно, что̀ въ теченіе лѣта и было исполнено солдатами и казенными мастеровыми; даже вся мебель сдѣлана послѣдними, не только въ квартиру графа, но и въ цѣлый домъ, устроиваемый для пріѣзда Императора. По окончаніи построеній поселенныхъ ротъ въ полку графа Аракчеева, возложилъ онъ на меня начать въ текущемъ году построеніе ротъ въ саперномъ округѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ устройству корпусной квартиры изъ господскаго дома, купленнаго съ имѣніемъ у Михайлы Михайловича Сперанскаго. Кромѣ того, въ началѣ Іюня, графъ, объѣзжая со мною по округамъ работы, поручилъ мнѣ немедленно приступить къ построенію втораго лѣсопильнаго паровaго завода; ибо до 70,000 досокъ, выпиливаемыхъ въ годъ на первомъ, были для работъ весьма недостаточны, и съ устройствомъ при ономъ мукомольной о 4-хъ поставахъ мельницы; а въ Новгородѣ, осматривая флотилію, приказалъ заготовить лѣса и къ 1824-му году построить одинъ запасный пароходъ. Выслушавъ всѣ приказанія, я, усмѣхнувшись, сказалъ: «Ваше сіятельство, и теперь я едва успѣваю исполнять свои обязанности; боюсь, что буду неисправнымъ не отъ лѣни, а отъ недостатка времени», на что онъ отвѣчалъ: «мнѣ болѣе не кому поручать; знаю, что у тебя много занятій и тебѣ трудно, но за то люблю тебя и обхожусь съ тобою подружески». Въ Петровъ день изволилъ пріѣхать въ поселеніе Государь, пробылъ у насъ четыре дни, осматривалъ всѣ работы, ученья и парадъ войскъ, былъ очень милостивъ, благодарилъ всѣхъ и пожаловалъ мнѣ другую табакерку съ бриліантами и своимъ вензелемъ. Осенью и въ началѣ зимы въ свободное время я составлялъ по порученію полное положеніе дѣйствію лѣсопильныхъ паро-

выхъ заводовъ и въ Ноябрѣ представилъ оное графу, который безъ малѣйшей перемѣны положеніе это утвердилъ, приказалъ отпечатать и разослать къ руководству. Въ Декабрѣ занялся я увеличеніемъ дѣловаго двора, а особенно кузнечными и слѣсарными мастерскими; изъ 8-ми горновъ я устроилъ 24 и приказалъ пріучать мастеровыхъ къ приготовленію инструментовъ. Предпріятіе это пошло столь успѣшно, что въ 1824-мъ году поселеніе не имѣло надобности и половины суммы расходовать противъ прежняго на покупку инструментовъ для огромнаго числа рабочихъ, которыхъ въ лѣтнее время бывало болѣе 30,000 человѣкъ. Графъ особенно и дружески благодарилъ меня за это, а командира 5-го рабочаго баталіона, Евдокимова, по ходатайству моему представилъ въ маіоры, и онъ былъ произведенъ. Чтобы мастеровыхъ дѣловаго двора пріохотить къ мастерствамъ, я приказалъ назначать имъ работы на цѣлую недѣлю впередъ, съ тѣмъ, что если кто хорошо кончитъ свой урокъ ранѣе, то можетъ работать въ свою пользу. Въ цѣнѣ предоставлялось каждому договариваться по произволу, но вещь имъ сдѣланная не могла отдаваться прежде осмотра мастеровъ при командирѣ; хорошо сдѣланныя вещи мастеровой могъ отдавать тому, кто ему оныя заказывалъ, а худыя тутъ же подверглись сломкѣ. Средство это дало жителямъ довѣренность къ мастеровымъ, а они начали усовершенствоваться въ ремеслахъ. Общія работы 1823 года по обыкновенному порядку начаты 1-го Мая, а Государь для осмотра изволилъ пріѣзжать въ концѣ Іюня, былъ по всѣмъ частямъ доволенъ, благодарилъ и пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Владиміра 2-й степени со звѣздой.

Въ началѣ Іюля (1823 года) прислано ко мнѣ отъ графа новое положеніе о поселеніи артиллеріи съ надписью: «Государь Императоръ изволилъ читать и одобрить, но приказалъ препроводить къ г. маіору Эйлеру, съ тѣмъ чтобы составилъ подъ предсѣдательствомъ своимъ комитетъ изъ достойныхъ командировъ ротъ и, сдѣлавъ свои замѣчанія, представилъ положеніе это при особомъ своемъ мнѣніи. Я прочиталъ тетрадь положенія въ $^1/_2$ дюйма толщиною и, по убѣжденію не соглашаясь ни съ однимъ параграфомъ, отложилъ оное до свиданія съ графомъ. Въ Августѣ назначенъ былъ отъѣздъ въ южное поселеніе Государя съ графомъ Аракчеевымъ, который управленіе своими дѣлами по всѣмъ поселеніямъ поручилъ г. маіору Бухмейеру, моему старинному знакомому и за отказомъ его потребовалъ меня въ Грузино, гдѣ встрѣтилъ меня словами: «Надѣюсь, что ты не откажешься и примешь почетное мѣсто управлять поселеніемъ вмѣсто меня». Я отвѣчалъ, что обязанности графа безъ сомнѣнія будутъ для каждаго затруднительны, но поставя себѣ за правило въ службѣ никогда не отго-

вариваться, принимаю мѣсто съ благодарностію и буду стараться оправдать лестную для меня его довѣренность». Послѣ сего я выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ уже приготовленную квартиру и на другой же день вступилъ въ управленіе дѣлами всего военнаго поселенія. Августа 3-го прибылъ графъ изъ Грузина прямо на Каменный Островъ, гдѣ жилъ Императоръ; на другой день я поѣхалъ къ нему съ докладомъ по дѣламъ, на кои желалъ имѣть его разрѣшеніе; онъ принялъ меня тотчасъ, былъ очень благосклоненъ, положилъ своею рукою всѣ резолюціи и оставилъ у себя обѣдать, а прощаясь спросилъ, скоро-ли я представлю свое мнѣніе на положеніе о поселеніи артиллеріи? Я отвѣчалъ: «оно утверждено Государемъ, и потому ожидаю приказанія привести въ исполненіе; мнѣніе же свое на высочайше одобренное положеніе писать не могу и тѣмъ болѣе, что убѣжденъ въ невозможности по оному дѣйствовать». Графъ: «Но Государь требуетъ, чтобъ ты сказалъ свои мысли и указалъ что̀ полагаешь необходимымъ перемѣнить и по чему».—Я: «Въ такомъ случаѣ считаю нужнымъ все положеніе отъ первой до послѣдней строки передѣлать». Графъ: «Это ужъ чрезъ чуръ много, но я спрошу Императора» и съ тѣмъ вмѣстѣ вышелъ, а возвратясь объявилъ: «Государь позволяетъ тебѣ положеніе передѣлать, но чтобы къ возвращенію Его Величества было представлено». Послѣ сего мы простились безъ малѣйшаго неудовольствія, а 7-го числа Императоръ и графъ выѣхали въ Чугуевъ.

При управленіи всѣми военными поселеніями я не находилъ никакого затрудненія. Штабъ имѣлъ отличныхъ чиновниковъ; а дѣла̀, требующія непосредственнаго разрѣшенія Императора, я отправлялъ съ еженедѣльнымъ фельдегеремъ къ графу, который оныя докладывалъ и въ скорости возвращалъ съ полными резолюціями. Въ свободное время я занимался составленіемъ новаго положенія о поселеніи артиллеріи; подполковникъ Батенковъ *) мнѣ помогалъ, а въ Ноябрѣ оно было совершенно готово. На переѣздъ въ Петербургъ пожаловалъ мнѣ Государь три тысячи рублей ассигнаціями; въ концѣ Августа пріѣхала ко мнѣ жена съ семействомъ, и мы прожили въ столицѣ четыре мѣсяца весьма пріятно. Въ продолженіе этого времени я три раза объѣзжалъ всѣ округа военнаго Новгородскаго поселенія, чтобы сохранить порядокъ, заведенный графомъ, и хорошо дѣлалъ, потому что въ первый объѣздъ нашелъ уже большіе безпорядки; но строгость взысканія заставила всѣхъ исполнять по прежнему свои обязанности. Въ половинѣ Декабря возвратился графъ и очень благодарилъ словесно и приказомъ за исправное

*) Гаврилъ Степановичъ, позднѣе замѣшанный въ дѣло 14 Декабря и высѣдившій 20 лѣтъ въ Петропавловской крѣпости. П. Б.

управленіе всѣмъ поселеніемъ, но однажды за обѣдомъ отозвался: «Я тебя очень люблю и почитаю, и всѣми твоими распоряженіями чрезвычайно доволенъ, но желалъ, чтобы ты былъ построже и поболѣе сажалъ на гауптвахты», на что я отвѣчалъ, что аресты должны быть моральнымъ наказаніемъ, чувствительнымъ для благороднаго человѣка; отъ частаго же арестованія за малые проступки они потеряютъ свою важность въ наказаніи, и тогда уже будетъ необходимо обратить ихъ въ физическое оштрафованіе. Графъ хотя на это не согласился, но и пересталъ оспаривать мои мнѣнія и правила о арестахъ. Вскорѣ послѣ сего онъ прочиталъ со мною составленное мною же положеніе и сказалъ: «Я, братецъ, совершенно согласенъ съ тобою, но Государь навѣрное будетъ держаться прежняго», на что я отвѣчалъ, что «воля Его Императорскаго Величества будетъ свято исполнена, Государю стоитъ только приказать, и если ему угодно, я же самъ буду все приводить въ исполненіе; но когда меня удостоиваетъ и спрашиваетъ моего мнѣнія, то считаю святою обязанностію сказать свои мысли чистосердечно и добросовѣстно». Послѣ сего чрезъ нѣсколько дней я простился съ графомъ и отправился съ семействомъ къ прежней своей должности въ Новгородское поселеніе.

Въ Февралѣ 1824 года графъ Аракчеевъ прислалъ ко мнѣ составленные архитекторомъ Стасовымъ и утвержденные чертежи гошпиталю и предписывалъ по онымъ построить таковой же въ Новгородѣ; но я, усмотрѣвъ, что деревянное это строеніе должно имѣть палаты въ 12 саженъ длины, въ 7 широты и въ три высоты, донесъ, что я за возведеніе подобнаго гошпиталя не берусь, потому что предвижу его разрушеніе и вѣроятно даже до введенія больныхъ, послѣ чего графъ поручилъ строеніе самому Стасову, а мнѣ приказалъ только вывести фундаментъ; но я и отъ того отказался, донося по истинной увѣренности, что строеніе непремѣнно упадетъ, почему возведеніе гошпиталя по проэкту Стасова и было совершенно отмѣнено. Вслѣдъ за тѣмъ графъ поручилъ мнѣ перестройку каменнаго путеваго дворца въ Новгородѣ для помѣщенія въ ономъ корпуснаго командира гренадерскаго корпуса со всѣмъ его штабомъ. Постройка поселенныхъ ротъ въ полку короля Прусскаго приходила уже къ концу, а потому графъ назначилъ мнѣ квартиру въ Новгородѣ, въ домѣ Корбоцкаго, но на лѣто, дабы быть ближе къ работамъ, приказалъ переѣхать въ 47-ю роту. Въ концѣ Іюня изволилъ пріѣзжать Государь, пробылъ въ поселеніи 4 дни, смотрѣлъ всѣ работы и войска въ ученьѣ и парадѣ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ всѣмъ доволенъ, благодарилъ за большой успѣхъ въ строеніяхъ и за хорошее состояніе войскъ и пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Анны 1-ой степени. Въ Іюлѣ прислано

ко мнѣ вновь положеніе о поселеніи артиллеріи, которое, мною составленное, Государь собственноручно отъ начала до конца переправилъ и изволилъ приказать, чтобы я, не касаясь общаго плана, изложилъ свое мнѣніе по параграфамъ, что̀ мною и было исполнено въ Августѣ и отдано графу, при чемъ онъ мнѣ сказалъ: «Ты право прекрасный человѣкъ, братецъ, но упрямъ; посмотрю я, чѣмъ споръ твой здѣсь кончится». Здѣсь у мѣста будетъ сказать, что часто многіе достойные люди, одобряя непреклонность моихъ убѣжденій въ дѣлахъ дѣйствительно безполезныхъ и даже вредныхъ государству, или, какъ просто называли иные, упрямство, проистекающее впрочемъ изъ чистѣйшаго источника (какъ-то: опыта, настоящей увѣренности и храненія пользъ моего отечества), увѣряли меня, что это, какъ и высказанная иногда слишкомъ правда, заграждали будто бы мнѣ путь къ бо̀льшимъ почестямъ, за которыми другіе такъ гоняются и всѣмъ жертвуютъ; но я откровенно здѣсь признаюсь, что я никогда ихъ не добивался, хотя по заслугамъ своимъ могъ имѣть на нихъ право. Всегда, больше и прежде всего, я любилъ истину, служилъ вѣрой и правдой для того, чтобъ дѣйствительно быть полезнымъ государству, хотя много, много на своемъ вѣку претерпѣлъ несправедливостей и даже притѣсненій и которыя единственно по нуждѣ, не имѣя никакого состоянія для содержанія милаго, дорогаго моего семейства, долженъ былъ переносить съ большою горечью. Но, не смотря на это, какъ видно изъ записокъ моихъ, никакія почести въ мірѣ никогда не склонили бы меня предпочесть ихъ всегдашней, спокойной моей совѣсти и истинному сознанію въ святомъ исполненіи всѣхъ обязанностей каждаго вѣрнаго подданнаго и благороднаго человѣка, что̀ всегда составляло большую отраду въ моей жизни и радовало меня болѣе всѣхъ получаемыхъ наградъ. Въ Октябрѣ переѣхалъ я съ семействомъ на житье въ Новгородъ, гдѣ, познакомясь почти со всѣми хорошими домами, жили пріятно и проводили время весьма хорошо.

Работы свои объѣзжалъ я три и четыре раза въ недѣлю. Любимый экипажъ мой были сани или дрожки въ три лошади, на которыхъ отправлялся всегда въ шесть часовъ утра и, осмотрѣвъ большое число работъ, на протяженіи отъ 60 до 80 верстъ, возвращался домой къ обѣду въ 4 или 5 часовъ; при семъ долженъ сказать, что Обвинскія лошади суть единственныя для подобной ѣзды, которыя безъ устали и изнуренія дѣлаютъ въ часъ отъ 16-ти до 20-ти верстъ. Въ Октябрѣ проѣзжалъ чрезъ Новгородъ Государь, котораго мы ожидали цѣлый день; но Его Величество прибылъ поздно вечеромъ и на утро отправился въ Петербургъ. При этомъ я до того простудился, что выдержалъ ужасную болѣзнь воспаленія въ кишкахъ; милостію Божіею, искусство славнаго доктора Соколов-

скаго спасло меня, но едва чрезъ два мѣсяца я оправился и могъ выѣзжать. По окончаніи въ 1824 году работъ по построенію ротъ въ округахъ короля Прусскаго и саперномъ, по отдѣлкѣ лѣтней корпусной квартиры и возведеніи новаго лѣсопильнаго пароваго завода, графъ поручилъ мнѣ еще всѣ работы въ округѣ императора Австрійскаго полка и отдалъ въ мою команду 10-й военно-рабочій баталіонъ, расположенный въ Старой Русѣ. Въ началѣ Марта 1825 года пріѣхалъ графъ въ Новгородъ и тотчасъ прислалъ звать меня къ обѣду, послѣ котораго по обыкновенію, не отдохнувъ, приступилъ онъ со мною къ разсмотрѣнію вновь исправленнаго Государемъ положенія о поселеніи артиллеріи. Г-нъ Самбурскій читалъ оное, графъ послѣ прочтеніи каждаго параграфа защищалъ мнѣніе Государя, а я объяснялъ, что готовъ свято исполнить волю Монарха, но опровергалъ постановляемыя правила какъ неудобныя или даже невозможныя къ исполненію. Споръ нашъ продолжался отъ 4-хъ часовъ и почти до 11-ти; я напомнилъ графу время и что онъ себя слишкомъ изнуряетъ; на что онъ отвѣчалъ: «я, братецъ, съ тобою во всемъ согласенъ; но Императоръ поручилъ мнѣ убѣдить тебя въ его предположеніяхъ, ибо желаетъ, чтобъ ты подписалъ положеніе». Я повторилъ опять, что совершенно готовъ исполнять приказаніе Его Величества, но подписать положенія не могу по причинамъ, мною изложеннымъ въ особомъ мнѣніи; если же вашему сіятельству угодно будетъ позволить мнѣ при подпискѣ сказать, что это дѣлается только для опыта и по правиламъ предначертаннымъ собственно Императоромъ, то я исполню волю Монарха и ваше желаніе. Графъ сперва согласился на это, но на другой день, по утру въ шесть часовъ, уѣхавъ въ Старую Русу, прислалъ ко мнѣ г-на Самбурскаго сказать, что припискою по моему желанію Государь не будетъ доволенъ, а потому допустить оной не можетъ, на что я отвѣчалъ, что безъ этой оговорки никогда не рѣшусь подписывать положенія невозможнаго исполнить, и потому просилъ послѣ переписки ко мнѣ и не присылать. Важнѣйшее это происшествіе въ моей жизни едва ли случалось съ кѣмъ нибудь, и примѣчательно вопервыхъ тѣмъ, что $2^1/_2$ года я рѣшался опровергать мнѣніе самодержавнаго великаго Государя, который хотя не соглашался со мною, но при всемъ томъ что Коростынская волость была уже принята подъ поселеніе артиллеріи и положеніе сему поселенію одобрено, артиллерія однако во все остальное царствованіе Александра, т. е. въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ, не была поселена; а во вторыхъ, что въ эти $2^1/_2$ года оспариваній, Императоръ особенно хорошо былъ ко мнѣ расположенъ и чрезвычайно милостивъ, и въ это короткое время въ награду за ревностную, полезную службу мою, пожаловалъ мнѣ три звѣзды: Владимірскую, Анненскую и такую же

съ брилліантами, что̀ служитъ доказательствомъ справедливости и великости души и ума Александра Благословеннаго, котораго природа наградила всѣми своими дарами въ высшей степени. По обыкновенію Государь изволилъ пріѣзжать въ поселеніе въ концѣ Іюня и, пробылъ въ округахъ 5 дней, осматривалъ всѣ работы, ученья и парады. Артиллеристы мои при орудіяхъ и дивизіонами въ 73 ряда прошли отлично, и за успѣшность работъ Императоръ благодарилъ меня лично и приказомъ и всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ брилліантовые знаки ордена Св. Анны 1 степени. Такъ и теперь, какъ ежегодно, во время высочайшаго пребыванія въ округахъ поселенія, я всякій день имѣлъ счастіе обѣдать у Государя; какъ и всегда, онъ былъ весьма благосклоненъ, распрашивалъ по многимъ предметамъ, но никогда не касался поселенія артиллеріи. Окончивши смотры, Императоръ ночевалъ въ Новгородѣ, въ домѣ собственно для него казенными мастеровыми отстроенномъ, и много благодарилъ меня за чистоту въ отдѣлкѣ; на другой день, по утру въ четыре часа, изволилъ ѣздить на моемъ катерѣ въ Юрьевъ монастырь, гдѣ слушалъ только съ графомъ раннюю обѣдню, а потомъ наединѣ бесѣдовалъ съ тамошнимъ архимандритомъ Фотіемъ около часа, въ 10 часовъ вернулся въ Новгородъ и вскорѣ отправился въ Петербургъ. Прощаясь съ Его Величествомъ, я здѣсь въ послѣдній разъ имѣлъ счастіе видѣть возлюбленнаго Благословеннаго Монарха. Лѣто протекло въ обыкновенныхъ занятіяхъ. 9 Сентября назначилъ мнѣ графъ ожидать его у парома чрезъ Волховъ и, явясь въ опредѣленный часъ, мы поѣхали на моихъ дрожкахъ въ штабъ императора Австрійскаго. Дорогою разсказалъ мнѣ графъ случившееся происшествіе въ Могилевскомъ поселеніи между генераломъ Клейнмихелемъ и подполковникомъ Гинцелемъ. Осмотрѣвъ работы, онъ много меня благодарилъ и чрезвычайно ласково распростился, а 11 Сентября получилъ я отъ него вдругъ, ничего не зная, повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Происшествіе, случившееся въ селѣ моемъ Грузинѣ, лишило меня всѣхъ способностей. Предписываю вашему превосходительству немедленно вступить въ командованіе корпусомъ и всѣми военными поселеніями, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ донесъ Государю Императору». Узнавъ подробно о семъ происшествіи, я тотчасъ послалъ къ графу записку и просилъ позволенія явиться къ нему, но не былъ принятъ по причинѣ сильнаго разстройства. Поселеніе учреждалось уже девять лѣтъ по собственному предначертанію Государя, а графъ Аракчеевъ, имѣя бланки, былъ исполнитель самовластный и именемъ Императора разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія, слѣдовательно вступить въ его обязанности была должность выше силъ каждаго, особенно въ отсутствіе Государя, которому я донесъ о предписаніи мнѣ графомъ, но въ

отвѣтъ получилъ только записку Дибича, что Императоръ докладъ мой изволилъ читать въ Таганрогѣ. Въ послѣдней трети каждаго года собирались отъ всѣхъ военныхъ поселеній отчеты о произведенныхъ работахъ и продовольствіи, составлялись общія смѣты и доклады для представленія Государю, чрезъ Комитетъ Министровъ, и дѣлались распоряженія по всѣмъ предметамъ къ будущему году; слѣдовательно время моего вступленія было самое трудное: надо было производить торги и дѣлать покупки на огромныя суммы, а разрѣшеніе испрашивать у самого Императора, потому что военное поселеніе не подчинялось не только министру, но и ни одному высшему государственному управленію. Для сего я отправилъ фельдегеря въ Таганрогъ къ Государю съ докладами, которые безъ всякой резолюціи возвращены мнѣ Дибичемъ при запискѣ, что Императоръ изволилъ ихъ читать, что̀ поставило меня въ ужасное положеніе. По общимъ правиламъ, безъ разрѣшенія Его Величества, я не имѣлъ права ничего приводить въ исполненіе, и равномѣрно не имѣлъ власти объявлять высочайшую волю, а между тѣмъ, не сдѣлавши этого, предвидѣлъ, что отъ сего все устройство военнаго поселенія должно въ предстоящемъ году остановиться. Необходимость заставила меня принять на себя власть мнѣ неприсвоенную, и я надписалъ на всѣхъ докладахъ своеручно: «Государь Императоръ изволилъ читать это представленіе въ Таганрогѣ и одобрить», т. е. сдѣлалъ тоже что̀ исполнялъ графъ, и передалъ всѣ доклады при предписаніяхъ въ экономическій комитетъ, который по онымъ дѣйствовалъ. Все пошло въ прежнемъ порядкѣ, и управленіе мое кончилось благополучно, безъ малѣйшаго притязанія съ чьей либо стороны и къ совершенному удовольствію графа; но на это немногіе бы рѣшились, а чтобы рѣшиться такъ смѣло, надо было очень знать дѣла.

Живя въ Петербургѣ, я еженедѣльно навѣщалъ дочерей моихъ въ Екатерининскомъ Институтѣ и, пріѣхавъ туда 26-го Ноября, нашелъ всѣхъ дѣвицъ горько плачущихъ; вдовствующая Императрица была у нихъ во время обѣда, объявила объ усиливающейся болѣзни Государя и просила ихъ молиться за него Богу; институтки возвращались тогда отъ молебна, и дѣтскія лица ихъ показывали, съ какимъ усердіемъ онѣ просили Всемогущаго о выздоровленіи возлюбленнаго Монарха. Въ городѣ же, 27-го Ноября поутру, назначенъ былъ въ Невскомъ монастырѣ общій молебенъ, который едва успѣли начать, какъ прискакалъ фельдъегерь съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Александра Благословеннаго, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19-го Ноября, въ 10-ть часовъ утра, и весь Петербургъ погрузился въ печаль. Я былъ тогда въ штабѣ и до 3-хъ часовъ ожидалъ, что ко мнѣ пришлютъ о семъ объявленіе и распоряженіе къ

приведенію къ присягѣ войскъ и поселянъ болѣе 200,000; но тщетно. Пообѣдавши, я поѣхалъ въ 5 часовъ къ военному министру Татищеву, который повстрѣчался со мною на лѣстницѣ и на спросъ мой отвѣчалъ: «Государь точно скончался, присягните Константину Павловичу», на что я доложилъ, что у меня въ командѣ самый большой корпусъ, и что на словахъ я этого сдѣлать не могу. Послѣ сего онъ опомнился и, объявя, что ѣдетъ сейчасъ въ Государственный Совѣтъ, просилъ прибыть къ нему въ 9-ть часовъ вечера для полученія предписанія. Въ назначенный часъ я уже былъ у Татищева, но онъ еще не возвращался; тутъ дожидался также Измайловскаго полка адъютантъ расположеннаго въ Петергофѣ баталіона, который, по повелѣнію полка, собрался на площадь для принесенія присяги, но разогнанъ комендантомъ, не имѣвшимъ еще по сему предмету никакого приказанія. Въ 10 часовъ пріѣхалъ министръ и только въ 11 отпустилъ адъютанта; я остался съ нимъ въ кабинетѣ. Старикъ уже почти спалъ; когда пробило 12, я всталъ и просилъ поскорѣе прислать повелѣніе; онъ обѣщалъ, что получу вслѣдъ, а я заѣхалъ въ штабъ, распустилъ всѣхъ чиновниковъ и отправился домой. Ноября 28-го поутру въ 5-ть часовъ, я прибылъ въ штабъ; 4 фельдъегеря были готовы для отправленія, но бумаги отъ министра еще не было. По указу же Сената, за подписью только оберъ-секретаря, о восшествіи на престолъ Константина Павловича я не рѣшился дѣйствовать въ столь важномъ дѣлѣ, особенно при бывшемъ постановленіи въ Совѣтѣ, что указы эти должны быть за подписью двухъ сенаторовъ, почему адъютанта своего, подполковника Броневскаго, послалъ къ министру и строго приказалъ преслѣдовать его повсюду, пока не получитъ письменнаго ко мнѣ предписанія, что было, можетъ быть, дерзко, но необходимо; потому что и этимъ средствомъ я получилъ предписаніе только въ 12-ть часовъ, и къ 2 мъ часамъ отправилъ фельдегерей съ рапортомъ къ Государю въ Варшаву, съ донесеніемъ къ графу Аракчееву и съ предписаніями о приведеніи къ присягѣ: корпусному командиру графу Витте, отряднымъ начальникамъ: Ешену, Яфимовичу, Угрюмову и Маевскому и въ артиллерію. Исполнивъ всѣ эти распоряженія, я со всѣми генералами и чиновниками штаба военныхъ поселеній отправился въ Сергіевскій соборъ, гдѣ и принесли мы присягу новому Государю, при чемъ я искренно благодарилъ Бога, что все произошло благополучно.

Декабря 6-го пріѣхалъ въ Петербургъ графъ Аракчеевъ и 7-го вступилъ въ командованіе военнымъ поселеніемъ; 8-го я отправился въ Новгородъ къ своему семейству и въ скорости получилъ отъ графа благодарность за исправное командованіе и хорошія распоряженія по всѣмъ частямъ военнаго поселенія. Декабря 14-го по-

лучено вторичное отреченіе Константина Павловича; Императоръ Николай I-й вступилъ на престолъ, и вскорѣ послѣ Рождества пріѣзжалъ на короткое время въ поселеніе.

Генваря 1-го 1826-го года было большое производство, по коему я однако былъ обойденъ, что̀ дѣйствительно меня огорчило; потому что если послѣ командованія два раза всѣмъ поселеннымъ корнусомъ (за что оба раза получалъ благодарность) я могъ быть обойденъ, то не долженъ быть вовсе терпимъ въ службѣ, а потому и просилъ графа исходатайствовать мнѣ увольненіе; но вмѣсто онаго, графъ прислалъ ко мнѣ подполковника Брадке 28-го Января съ печатнымъ приказомъ и поздравленіемъ меня съ производствомъ того же дня въ генералъ-лейтенанты. Въ Февралѣ я получилъ повелѣніе графа быть оберъ-церемоніймейстеромъ во время прослѣдованія кортежа чрезъ Новгородъ съ тѣломъ блаженной памяти Императора Александра; ко мнѣ прислали архитектора Стасова съ рисунками и всѣми нужными вещами, и мы тотчасъ приступили къ траурному украшенію теплаго собора и устройству въ ономъ катафалка. Къ 18 му числу работы были кончены, а 19-го пріѣхалъ графъ, поручилъ мнѣ по данному плану написать весь церемоніалъ, который, утвердивъ, послалъ къ Государю и назначилъ произвести репетицію всему шествію. Февраля 23-го въ 10 часовъ утра я устроилъ весь церемоніалъ, а въ 11-ть прибылъ къ заставѣ Новгорода кортежъ съ тѣломъ Благословеннаго, и шествіе началось съ большимъ благочиніемъ и великолѣпіемъ; противъ каждой церкви кортежъ останавливался, и служили литію. Въ 12-ть прибыли къ собору и внесли тѣло на катафалкъ, освѣщенный 1,000 свѣчами; тутъ началась обѣдня, общая панихида, и архимандритъ говорилъ похвальное слово; въ 3 часа начались панихиды порознь всѣхъ монастырей и всѣхъ сословій и продолжались до 9 ч. вечера, послѣ чего я началъ впускать въ соборъ желающихъ проститься съ покойнымъ Императоромъ, что̀ продолжалось всю ночь по причинѣ чрезвычайнаго множества народа; въ 1-мъ часу по полуночи пріѣхалъ графъ и сказалъ мнѣ: «Я пробуду за тебя часъ, поѣзжай домой и отдохни», что̀ мнѣ было необходимо, потому что отъ истощенія и изнуренія едва могъ шевелиться и съ трудомъ выдержалъ трудные эти для меня сутки. На слѣдующее утро опять всѣ собрались въ соборъ и отслужили общую панихиду; артиллеристы, по моей просьбѣ, вынесли гробъ, и шествіе началось въ прежнемъ порядкѣ; у Духова монастыря служили послѣднюю литію. Графъ въ черной мантіи и траурной шляпѣ сѣлъ на колесницу и провожалъ тѣло до Царскаго Села.

Въ Маѣ графъ получилъ отпускъ за границу и прощался со мною очень пріятельски. Здѣсь будетъ у мѣста сказать, что графъ Аракчеевъ хотя не имѣлъ надлежащаго обширнаго образованія, но

былъ весьма свѣдущъ во всѣхъ математическихъ наукахъ, имѣлъ склонность къ жестокости, но только въ первомъ пылу сердца, любилъ до крайности чистоту и опрятность, обладалъ умомъ и способностями необыкновенно высокими, постигалъ тотчасъ самые отвлеченные предметы, а рѣшенія его всегда были правильны; словомъ, графъ Аракчеевъ былъ истинно великій государственный человѣкъ и неутомимый въ дѣлахъ; два Императора его любили и почитали его достоинства. Благословенный всегда называлъ графа другомъ и ввѣрялъ ему рѣшительно всѣ дѣла по управленію огромнѣйшимъ государствомъ. Наградъ орденами, деньгами и никакихъ другихъ онъ не принималъ кромѣ тѣхъ, которыхъ никто не имѣлъ и которыя собственно для него придумывалъ Государь. Безъ сомнѣнія графъ удержался бы и послѣ, если бы не сдѣлалъ ошибки *), которою съ радостью воспользовалось огромное число его враговъ и завистниковъ, и оттерли его совершенно, лишивъ такимъ образомъ Россію одного изъ лучшихъ ея гражданъ, дѣятельнѣйшаго и справедливѣйшаго ея заступника предъ престоломъ Монарха. Повторяю, графъ имѣлъ только одно дурное качество чрезвычайной строгости и даже жестокости; но окружающіе всегда могли оную умѣрять до доброты, въ доказательство чего приведу, что графъ Аракчеевъ изъ моихъ подчиненныхъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ, а многимъ и очень многимъ оказалъ большія милости.

Въ концѣ Іюля посѣтили округъ полка графа Аракчеева Императоръ и Императрица, ѣхавшіе въ Москву на коронацію. Въ числѣ милостей при коронаціи пожалована и мнѣ аренда въ 2,000 рубл. серебромъ; я избралъ въ Курляндіи мызу Узингенъ съ платою 1,498 рублей кварты и долженъ былъ вступить во владѣніе съ Иванова дня 1829 года. Награда эта, какъ говорили мнѣ, была назначена покойнымъ Государемъ и по состоянію моему была мнѣ самая полезная. Въ это же лѣто проходилъ чрезъ Новгородъ кортежъ съ тѣломъ блаженной памяти Императрицы Елисаветы Алексѣевны; въ парадѣ участвовалъ только полкъ императора Австрійскаго, поставленный шпалерою; я несъ чрезъ городъ императорскую корону, и соборъ былъ убранъ также какъ при церемоніалѣ покойнаго Императора. Около половины Сентября поджидали изъ Москвы возвращенія императорской фамиліи, для которой и была приготовлена квартира въ штабѣ полка короля Прусскаго. Въ день, назначенный для пріѣзда Ихъ Величествъ, я получилъ высочайшее повелѣніе слѣдующему въ свитѣ Императрицы, принцу Гессенъ-Гомбургскому показать все любопытное въ поселеніи, почему я поспѣшилъ въ

*) Сколько намъ извѣстно, ошибка эта состояла въ томъ, что, отправившись въ чужіе краи въ отпускъ, графъ Аракчеевъ напечаталъ письма къ нему покойнаго Государя, не испросивъ на то разрѣшенія Государя Николая Павловича. П. Б.

штабъ, а въ 9 часовъ утра пріѣхалъ принцъ, съ которымъ и обошли всѣ строенія и заведенія штаба; послѣ присутствованія принца при разводѣ мы поѣхали по округу и на лѣсопильный паровой заводъ, откуда возвратившись обѣдали и отправились по округу въ штабъ полка графа Аракчеева, гдѣ обошли также всѣ заведенія. Принцъ, разсуждая о поселеніи, между прочимъ весьма справедливо сказалъ, что заведеніе это столь огромно и ново, «что о пользѣ или вредѣ онаго можетъ судить правильно только будущая генерація»; но буйный народъ поселенія рѣшилъ задачу гораздо ранѣе. Возвратившись въ 7 часовъ вечера, мы узнали, что Императрица уже пріѣхала, куда я тотчасъ пошелъ и просилъ графа Модена доложить при выходѣ Государынѣ, что не имѣлъ счастія встрѣтить Ея Величество только потому, что по высочайшей волѣ объѣзжалъ съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ два округа поселенія, послѣ чего ушелъ къ прочимъ генераламъ, дожидавшимъ Государя. Чрезъ пять минутъ прислала за мной Императрица, приняла весьма благосклонно, хвалила много дочь мою, всемилостивѣйше взятую во фрейлины, говорила, что она прекрасна собой, но на меня вовсе не похожа, много смѣялась, когда я увѣрялъ, что въ свое время самъ былъ очень красивъ и пригласила остаться на вечерѣ. Разговоръ все время былъ самый пріятный и веселый, который поддерживала сама Государыня, требовала толкованія о происхожденіи многихъ Русскихъ словъ и спрашивала меня, какъ приходится мнѣ въ родню великій Эйлеръ. На другой день я проводилъ Государыню до станціи Подберезья и на возвратномъ пути встрѣтилъ Государя, который, спросивъ меня, гдѣ Императрица, поскакалъ въ слѣдъ и прокричалъ мнѣ: «Прощай, Эйлеръ».

Въ концѣ сего года назначенъ былъ начальникомъ всѣхъ военныхъ поселеній графъ Петръ Толстой, человѣкъ умный; но графа Аракчеева замѣнить было трудно. 1827 года 1-го Генваря послѣдовало преобразованіе военнаго поселенія; поселенные баталіоны расформировали, оружіе отобрали, а одежду вмѣсто строевой постановили имѣть поселянамъ собственную сѣраго сукна по образцу казачьей и позволили носить имъ бороды; но они не удовольствовались этими милостями и хотѣли совершеннаго возвращенія прежняго ихъ быта. Въ это же время устроено за Старою Русою поселеніе гренадерской артиллеріи, существовавшее только до 1831 года. Работы моего вѣдѣнія были уже большею частію кончены, и оставались только въ Новгородѣ и въ полку императора Австрійскаго; сверхъ того состояло тогда въ моей командѣ 15-ть артиллерійскихъ ротъ, 3 рабочіе баталіона, 5 рабочихъ командъ для перевозокъ съ 360-ю лошадьми, вся флотилія съ экипажемъ, плитной притомъ въ Коростынѣ, Свинорѣцкая волость, паро-пильные заво-

ды и приготовленіе извести. Въ зиму этого же года я короче познакомился съ графиней Орловой-Чесменской; она всегда принимала меня чрезвычайно радушно, почему я почти еженедѣльно ее навѣщалъ и у нея сошелся съ архимандритомъ Фотіемъ. Онъ былъ мало образованъ, но имѣлъ много природнаго ума, былъ фанатикъ въ высшей степени, часто толковалъ о явленіяхъ ему ночью и любилъ предсказывать будущее, былъ добръ и благотворителенъ, и графиня также чрезъ него много дѣлала милостей Новгородцамъ. Въ Іюлѣ 1828 года проѣзжалъ Императоръ, объѣхалъ всѣ округа, былъ доволенъ успѣхами работъ и подарилъ мнѣ кварту моей аренды на 12-ть лѣтъ, составляющую ежегодно 1498 рубл. сер., что̀ при состояніи моемъ и большомъ моемъ семействѣ было мнѣ лучшею наградою.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, обѣдая въ Юрьевомъ монастырѣ у графини Орловой, слышалъ я, какъ сожалѣла она, что не можетъ устроить постоянной дороги въ монастырь, которая бы служила сообщеніемъ съ городомъ и во время весьма долгаго до половины лѣта продолжающагося разлива рѣки Волхова, и что не прощаетъ себѣ, что когда графъ Аракчеевъ присылалъ туда офицера, который составилъ смѣту на построеніе всей дороги въ 80 тыс. рублей ассигнаціями, она не рѣшилась тогда пожертвовать этой суммой. Я возразилъ, что сколько мнѣ извѣстно, то для устроенія дороги нужно прорыть одну гору и сдѣлать насыпи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3-хъ саженъ, но на протяженіи не болѣе 2-хъ верстъ, и посему не можетъ понадобиться на то столь огромная сумма; впрочемъ для подробнаго ей объясненія обѣщалъ приказать проневилировать мѣсто, узнать достовѣрно самое большое возвышеніе водъ Волхова и составить смѣту, за что графиня и Фотій меня очень благодарили. Въ началѣ Сентября всѣ нужныя свѣдѣнія были собраны, и смѣта составлена; я поѣхалъ къ графинѣ и доложилъ ей, что дорога въ ширину 2-хъ саженъ, какъ она сама назначила, будетъ стоить менѣе 25,000 рублей ассигнаціями, и что если ей угодно, то распоряженіе и надзоръ за работами я принимаю съ удовольствіемъ на себя, но чтобы выдача денегъ рабочимъ и за матеріалы была производима по распоряженію отца Фотія. Долго упрашивали они меня оба принять и это на себя, но я рѣшительно отказался отъ распоряженія деньгами, и они, наконецъ, видя мою непреклонность, согласились на мое предложеніе. Осенью же было приступлено къ сдѣланію насыпей и построенію трехъ мостовъ; вольнорабочіе, видя устроенный мною порядокъ и поспѣшную выдачу платы, бросали другія работы и являлись сюда въ большомъ числѣ, гдѣ плата была установлена мною безъ натяжки, по цѣлковому съ кубической сажени. Къ Сентябрю 1829 года насыпи и мосты были совершенно

готовы, а камень, заготовленный зимою, разбитъ въ щебенку, которую въ Сентябрѣ развезли по полотну, усыпали пескомъ и утрамбовали, а съ Октября пустили ѣзду. Графиня и Фотій чрезвычайно были довольны и искренно меня благодарили. Дорога эта, въ двѣ версты длиною съ отдѣлкою шоссе, обошлась графинѣ всего въ 22,000 рубл. ассигнаціями.

Въ Рождество, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, я поѣхалъ къ обѣднѣ въ Юрьевъ монастырь, чтобы быть въ теплой церкви и поздравить графиню; по окончаніи службы, она подошла къ кресту, а за нею и я, и хотя примѣтилъ колебаніе Фотія, но не постигалъ причины, обернувшись же послѣ увидѣлъ за собою графа Аракчеева, отворачивающагося отъ меня. Онъ незамѣтно вышелъ изъ придѣла и самъ сталъ за мною, а между тѣмъ показывалъ неудовольствіе, зачѣмъ я приложился къ кресту прежде его. Послѣ службы мы всѣ пошли въ келью Фотія, гдѣ я тотчасъ извинился предъ графомъ въ невольной своей ошибкѣ; но графъ отъ перенесенныхъ въ это время огорченій сдѣлался раздражителенъ и недовѣрчивъ и, не смотря на убѣжденія графини и Фотія, взявшихъ мою сторону, остался во всю жизнь свою въ увѣренности, что я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, что̀ меня донынѣ крайне огорчаетъ; потому что графъ всегда былъ ко мнѣ благосклоненъ и сдѣлалъ мнѣ много добра, за которое всегда буду признателенъ и душевно сожалѣю о случившемся неумышленномъ происшествіи; но, находясь въ какой бы то ни было церкви, я никогда не оглядываюсь, а адъютанты мои, Красовскій и Долгорукій, не сказали мнѣ о графѣ, говоря, что сами его не замѣтили.

Въ началѣ Апрѣля 1830 года объявлено мнѣ было высочайшее повелѣніе быть предсѣдателемъ комитета для составленія урочнаго положенія по всѣмъ родамъ мастерскихъ работъ, по всѣмъ вѣдомствамъ, почему я немедленно отправился въ Петербургъ и остановился у дочери Зубовой. Члены мои были: генералы Трузсонъ и Дестремъ, съ которыми тотчасъ и приступилъ къ дѣлу. Въ скорости послѣ сего, я снова получилъ высочайшее повелѣніе, по случаю отъѣзда графа Толстаго, вступить въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній, а какъ всѣ корпусные командиры поселенныхъ войскъ были старше меня, то въ случаяхъ надобности предоставлялось испрашивать разрѣшеніе управляющаго военнымъ министерствомъ генерала Чернышева. Въ концѣ Ноября получено въ Петербургѣ извѣстіе о всеобщемъ возстаніи въ Царствѣ Польскомъ, вслѣдствіе чего начали формировать армію, и графъ Дибичъ назначенъ главнокомандующимъ, который преждевременно приглашалъ насъ въ Варшаву, на Масляницѣ, къ себѣ на чай. Гвардія и гренадерскій корпусъ получили приказаніе немедленно выступить въ

Ковно, а меня Государь назначилъ начальникомъ Новгородскаго и Старорусскаго военныхъ поселеній, всѣхъ гренадерскихъ резервныхъ баталіоновъ, артиллерійскихъ ротъ и прочихъ войскъ, въ оныхъ расположенныхъ и содержащихъ кордонную линію отъ холеры, отъ Ладожскаго до Псковскаго озеръ,—48 баталіоновъ. Я тотчасъ немедленно отправился въ Новгородъ и, сдавъ свою часть старшему полковнику Баттому, приступилъ къ пріему всего поселенія и войскъ отъ корпуснаго командира кн. Шаховскаго. Въ половинѣ Декабря, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, я снялъ карантинную линію между озеръ Ладожскимъ и Ильменскимъ, размѣстилъ баталіоны 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й и 7-й дивизій въ военномъ поселеніи и по близости онаго, а баталіонами 4-й и 8-й дивизій занялъ кордонную линію между озерами Ильменемъ и Псковскимъ, оцѣпя и Старорусское военное поселеніе. Послѣ сего занялся я съ генералами Леонтьевымъ и Томашевскимъ исправленіемъ гренадерскихъ резервныхъ баталіоновъ, которые были оставлены полками въ совершенномъ разстройствѣ; всѣ лучшіе люди были выбраны и взяты въ походъ, оставались самые дурные солдаты по фронту и кантонисты даже 17-ти лѣтъ, и то всего только отъ 400 до 500 человѣкъ въ каждомъ баталіонѣ, которыхъ дополнять надо было изъ рекрутъ, ожидаемыхъ весною изъ всей Россіи. Въ началѣ Марта 1831 года, неспокойствіе въ народѣ Польскихъ губерній дошло до того, что я получилъ высочайшее повелѣніе отправить на выставленныхъ до Динабурга подводахъ 18 баталіоновъ 1-й, 2-й и 3-й дивизій, а чрезъ недѣлю еще 18 баталіоновъ 5-й, 6-й и 7-й дивизій, что̀ я исполнилъ въ назначенный срокъ и донесъ Государю. Въ половинѣ Марта я объѣхалъ всѣ округи поселенія и осмотрѣлъ резервные баталіоны, которые, по крайней мѣрѣ, доведены были до того, что могли быть поставлены во фронтѣ въ баталіонномъ составѣ и, хотя плохо, пройти церемоніальнымъ маршемъ. Въ Апрѣлѣ начали прибывать рекрутскія партіи, выбранныхъ отличныхъ людей по росту и фигурамъ изъ каждой губерніи отъ 100 до 250 человѣкъ, о чемъ я донесъ Государю, и Его Величество приказалъ изъ каждой партіи половину лучшихъ рекрутъ отправлять на укомплектованіе гвардіи, что̀ я исполнилъ по совѣсти; но за всѣмъ тѣмъ и гренадерскіе резервные баталіоны получили прекрасныхъ людей. Въ Маѣ я объѣхалъ карантинную линію и осмотрѣлъ по оной 12 баталіоновъ, которыхъ большею частью нашелъ въ исправности и хорошо обученными, особенно стрѣльбѣ въ цѣль. Въ это время сформирована была резервная армія, расположенная по границѣ Польскихъ губерній, для удержанія въ оныхъ порядка и ввѣрена графу Толстому, вмѣсто котораго я управлялъ штабомъ военнаго поселенія, а мнѣ предписано было состоять по прежнему въ командѣ генерала Чернышева. Въ 1831 году работы

въ поселеніи производились только 3-мя рабочими баталіонами; полевые оставались для содержанія карантинной линіи, а гренадерскіе резервные, составленные большею частью изъ поступившихъ только рекрутъ и кантонистовъ, выступили въ лагерь при Княжемъ Дворѣ, выйдя въ первый разъ изъ своихъ округовъ. Въ Іюнѣ открылась въ Петербургѣ холера и произвела ужасную смертность; народъ, подстрекаемый злоумышленниками, вообразилъ, что доктора и иностранцы ихъ отравляютъ, взбунтовался и началъ ихъ на улицахъ, а первыхъ и въ госпиталяхъ, бить и даже убивать. Государь, выѣхавъ самъ, усмирилъ чернь своимъ присутствіемъ и, чтобы уменьшить народа въ столицѣ и тѣмъ воспрепятствовать распространенію болѣзни, приказалъ всѣхъ пришедшихъ на работы крестьянъ выпроводить за заставы, дабы шли въ свои деревни. Дворъ проживалъ тогда въ Царскомъ Селѣ, и я получилъ высочайшее повелѣніе отправить туда 6 гренадерскихъ баталіоновъ, взявъ изъ всѣхъ 12-ти половину лучшихъ по фронту людей, для чего на другой же день отправился въ лагерь, сформировалъ оные 6 баталіоновъ и, приказавъ имъ слѣдовать подъ командою генерала Томашевскаго, объѣхалъ вновь карантинную линію. Но генералъ Томашевскій дошелъ только до Спасской Полѣсти, какъ получилъ повелѣніе вернуться въ лагерь, куда долженъ былъ вступить 14 Іюля, и маршрутъ былъ данъ отъ меня мимо города, потому что въ ономъ довольно сильно дѣйствовала холера. 12 Іюля, послѣ обѣда, явился ко мнѣ подполковникъ баронъ Розенъ и донесъ, что возвращавшіеся изъ Петербурга рабочіе распространили по дорогѣ, что выгнали холеру изъ столицы и что не худо и здѣсь за нее приняться; что ночью произошелъ въ Старой Русѣ ужаснѣйшій бунтъ, что генерала Мевеса, полиціймейстера и многихъ докторовъ уже убили и что неистовство поселянъ дошло до высшей степени. Узнавъ это, я тотчасъ съ нарочными послалъ слѣдующія повелѣнія: 1) генералу Леонтьеву съ 2-мя баталіонами немедленно отправиться на подводахъ въ Старую Русу и возстановить тамъ порядокъ, а 4-мъ баталіонамъ приказать также выступать въ слѣдъ за нимъ туда же и помѣстить всѣ войска бивуаками, въ городѣ на площадяхъ. 2) Генералу Томашевскому отправить тотчасъ два карабинерные баталіона въ Устрику, въ 20 верстахъ отъ Старой Русы и приказать имъ ожидать тамъ моего пріѣзда. 3) Баталіонъ императора Австрійскаго полка послать немедленно на отправленныхъ судахъ чрезъ Ильменское озеро, въ Новгородское поселеніе, а съ 3-мя остальными баталіонами содержать порядокъ около лагеря при Княжемъ Дворѣ. 4) Баталіонамъ, находящимся на карантинной линіи, слѣдовать форсированно къ Старой Русѣ. 5) Подполковнику Баттому съ 2-мя баталіонами и 4-мя ротами удерживать порядокъ въ Новгородѣ и около онаго. Сдѣлавъ всѣ эти

распоряженія, я съ нарочнымъ донесъ подробно Государю и тотчасъ на почтовыхъ лошадяхъ отправился самъ въ Старую Русу, хотя совершенно находился тогда въ болѣзненномъ состояніи отъ холерическихъ припадковъ и молніи, ударившей въ петлицу моей шляпы, во время смотра баталіона 8-го егерскаго полка. Въ Медвѣдѣ и Коростынѣ, поселяне, добровольно собравшись, встрѣтили меня и просили взять съ собою для усмиренія бунтовщиковъ; я благодарилъ ихъ за усердіе и далъ наставленіе имъ и баталіоннымъ командирамъ, а изъ Княжьяго Двора отправилъ баталіонъ въ Новгородское поселеніе, отдавъ нужныя приказанія генералу Томашевскому. Въ Устрикѣ, карабинерные баталіоны были уже готовы, и я отправился съ ними чрезъ всѣ Старо-Русскіе бунтующіе округи и по мѣрѣ возможности, возстановивъ тамъ порядокъ, расположилъ солдатъ. 13-го Іюля въ 6 часовъ утра, въ новыхъ домахъ поселенной роты, въ одной верстѣ отъ Старой Русы, я оцѣпилъ селеніе, поставилъ сильные караулы и только что собрался ѣхать въ самый городъ, какъ явились ко мнѣ генералъ Леонтьевъ и голова съ Магистратомъ и донесли, что въ бунтѣ участвовали всѣ поселяне 7-ми округовъ, мѣщане и 10-й рабочій баталіонъ, что въ ночь съ 11 на 12-е Іюля убито и изуродовано: генералъ-маіоръ Мевесъ, полиціймейстеръ, всѣ баталіонные командиры, и большая часть ротныхъ командировъ, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и медиковъ; что бунтовщики составили на городской площади судилище, въ которомъ заставили участвовать и архимандрита въ полномъ облаченіи; что предъ онымъ допрашивали они свои жертвы и самыми варварскими истязаніями вымогали у нихъ сознаніе, что отравляли народъ по приказанію главнаго начальства, чѣмъ и возбуждали всѣхъ къ большему участію въ бунтѣ и къ истребленію всѣхъ властей и даже помѣщиковъ; что по прибытіи въ городъ войскъ, судилище и бунтовщики разбѣжались, и что хотя теперь возстановлено спокойствіе, но едва-ли оно надолго, особенно въ округахъ; а генералъ Леонтьевъ, плача, донесъ на единѣ, что при малѣйшемъ возобновленіи неистовствъ они всѣ непремѣнно погибнутъ при малочисленности своей противъ бунтующихъ поселянъ. Я успокоивалъ и ободрялъ ихъ всѣхъ, далъ имъ письменное своеручное предписаніе какъ поступать и, приказавъ немедленно доносить мнѣ о всѣхъ перемѣнахъ, отпустилъ и послалъ нарочнаго съ донесеніемъ къ Государю, которому представилъ все въ дѣйствительномъ видѣ, и просилъ выслать ко мнѣ двухъ генераловъ или штабъ-офицеровъ, которымъ могъ бы ввѣрить войска, находящіяся еще въ хорошемъ духѣ: ибо мнѣ было очевидно, что начальники ихъ отъ случившихся происшествій растерялись, почему я справедливо боялся, что войска потеряютъ къ нимъ довѣренность, послѣ чего нельзя будетъ ожидать отъ нихъ

строгаго дѣйствія въ случаяхъ надобности. Вмѣстѣ съ симъ я доносилъ, что не видя никакой пользы, не рѣшился употребить напрасно дѣтей противъ бунтующихъ отцевъ, довольствуясь покамѣстъ временнымъ прекращеніемъ злодѣяній, и ожидаю прибытія съ карантинной линіи направленныхъ къ Старой Русѣ резервныхъ баталіоновъ, съ которыми начну немедленно изслѣдованіе и забираніе главныхъ преступниковъ. Послѣ сего я потребовалъ къ себѣ отъ всѣхъ поселенныхъ ротъ Старо-Русскаго округа депутатовъ, которые по мѣрѣ возможности тотчасъ являлись. Я ругалъ ихъ на пропалую за происшедшее безпокойство, увѣщевалъ, давалъ наставленія и, переписавъ ихъ имена, объявилъ, что если и за симъ что-либо произойдетъ, то они первые будутъ наказаны со всевозможною жестокостью. Угроза эта подѣйствовала, и покуда я былъ въ Старой Русѣ, во всѣхъ округахъ его возстановленный порядокъ не былъ нарушенъ.

15-го взбунтовались поселяне Коростынской волости, и когда генералъ Томашевскій хотѣлъ ихъ усмирять, то солдаты не дѣйствовали; офицеры, выхвативъ у нихъ ружья, защищали генерала и себя, между тѣмъ какъ нижніе чины оставались равнодушными зрителями. Узнавъ объ этомъ, я приказалъ отдать виновныхъ подъ судъ и тотчасъ прогнать эти два баталіона въ лагерь, чтобы не заразить ихъ измѣною своихъ карабинеровъ, которые исполняли свои обязанности въ точности. Только одинъ изъ нихъ вздумалъ было проповѣдывать, что ихъ отравляютъ, хотя не было ни одного умершаго. Я, обличивъ его тутъ же, безъ суда прогналъ его сквозь строй, и строгость эта, употребленная во-время, имѣла хорошее послѣдствіе: карабинеры остались вѣрны присягѣ.

16-го числа узналъ я, что въ Псковѣ тоже произошелъ бунтъ и что туда посланъ Государемъ генералъ Микулинъ, который баталіоны, слѣдующіе ко мнѣ форсированно съ карантинной линіи и ожидаемые мною съ величайшимъ нетерпѣніемъ, повернулъ въ Псковъ, что совершенно разстроило мои распоряженія, о чемъ немедленно я донесъ Государю.

17-го я получилъ извѣстіе, что округи около Новгорода, въ подражаніе другимъ, также взбунтовались и произвели подобныя неистовства, а какъ въ Старой Русѣ и округахъ ея было все спокойно, то я и рѣшился слѣдовать туда съ карабинерами для возстановленія порядка въ мѣстахъ столь близкихъ къ пребыванію Императорской фамиліи. Для сего призвалъ я генерала Леонтьева и купцовъ, далъ первому письменное наставленіе, а вторыхъ увѣщалъ (какъ пользующихся уваженіемъ жителей) совѣтами и убѣжденіями своими усмирять народъ и стараться поддерживать возстановленное спокойствіе, что они всѣ обѣщались, хотя предчув-

ствовали вторичное бѣдствіе и, прощаясь со мной, заливались слезами, называли своимъ спасителемъ и умоляли остаться, чего я никакъ не могъ сдѣлать и ночью выступилъ изъ Старой Русы, а за мною выѣхало оттуда множество женъ и дѣтей офицеровъ и чиновниковъ. Переправы чрезъ Шалонь и Мшагу задержали маршъ болѣе 8 часовъ, но за всѣмъ тѣмъ я прибылъ съ баталіонами 20 числа рано поутру въ Новгородъ, который ожилъ, увидѣвъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ съ трепетомъ въ тотъ день буйныхъ поселянъ, войска, вступавшія въ городъ съ музыкою и пѣснями. Семейство мое чрезвычайно было обрадовано моимъ прибытіемъ. Губернаторъ и всѣ чиновники тотчасъ меня навѣстили; послѣ чего я осмотрѣлъ Новгородскія войска, которыхъ нашелъ въ дурномъ духѣ и долженъ былъ даже многихъ побить, отнялъ ружья у рабочихъ и, устроивъ пикеты, соединилъ баталіоны для рѣшительнаго дѣйствія въ случаѣ надобности. Скажу безъ хвастовства, что во время бунта я былъ одинъ, который присутствіемъ своимъ могъ возстановлять порядокъ и котораго слушались поселяне; даже во время самаго жестокаго возмущенія, увидя меня, они всегда и всѣ становились на колѣни и просили прощенія. Я ихъ жестоко ругалъ и даже бивалъ, а отвѣтъ ихъ всегда былъ одинъ: «виноватъ, батюшка, простите». Даже письменныя мои приказанія дѣйствовали и исполнялись свято, чему могу привести множество доказательствъ; но дабы не распространяться, скажу для примѣра одно. При второмъ возмущеніи въ Старой Русѣ поселяне грабили казенный ящикъ, похитивъ въ немъ наличными деньгами 44,000 рублей ассигнаціями; узнавъ о семъ, я послалъ изъ Новгорода предписаніе, чтобы по прибытіи моемъ въ Старую Русу представлены бы мнѣ были въ цѣлости всѣ деньги, которыя впрочемъ уже были раздѣлены между поселянами, но они безпрекословно исполнили мое приказаніе и немедленно. Пріѣхавъ туда 2 Августа, чрезъ 8 дней послѣ покражи, я не успѣлъ выйти изъ коляски и войти въ квартиру, какъ явились сами поселяне и сдали мнѣ всѣ похищенныя ими деньги въ цѣлости. На гренадерскіе баталіоны, въ которыхъ половина солдатъ была изъ дѣтей поселянъ, столь сильно дѣйствовали мои наставленія, что они, входя въ свои округа, ругали своихъ родныхъ за нарушеніе присяги. Съ солдатами такого духа ближайшіе ихъ начальники могли мгновенно усмирить возмущеніе; но они сами растерялись до того, что, бывъ прежде строгими, сдѣлались слабыми и допустили баталіоны соединиться съ поселянами за одно, слѣдствіемъ чего было, что ихъ всѣхъ перебили и изувѣчили; а я въ одно и тоже время не могъ находиться повсюду для удержанія неистовствъ.

Во все время бунта убито 2 генерала, 63 штабъ и оберъ-офицера и 72 унтеръ-офицера и изувѣчено 88 штабъ и оберъ-офицеровъ и 84 унтеръ-офицера. Курьеровъ, отъ меня отправляемыхъ, Государь по случаю холеры изволилъ принимать лично въ Ижорѣ и оттуда же чрезъ военнаго министра давалъ свои предписанія, коими всѣ мои распоряженія и дѣйствія всемилостивѣйше изволилъ одобрять; а узнавъ, что бунтъ перешелъ за Новгородъ къ Петербургу и распространился даже по большой дорогѣ, отправилъ своего генералъ-адъютанта графа Орлова для совокупнаго со мной распоряженія, чему я, какъ раздѣляя уже отвѣтственность, очень обрадовался.

Графъ Орловъ пріѣхалъ 22-го числа въ Новгородъ прямо ко мнѣ, 23-го начали мы дѣйствовать совокупно, а 26-го въ сумерки прибылъ самъ Государь, обошелъ караулъ, принялъ ординарцевъ и повелъ меня съ собою въ кабинетъ, гдѣ я объяснилъ Его Величеству всѣ происшествія и сказалъ откровенно, что поселяне всегда были недовольны своимъ положеніемъ, что холера и отрава суть только предлоги, которыми подстрекаютъ толпу, но что настоящая цѣль бунта есть желаніе освободиться отъ военнаго состоянія, почему полагалъ бы всѣхъ участниковъ въ бунтѣ отдать въ солдаты безъ выслуги, что̀ послужитъ имъ настоящимъ, чувствительнымъ наказаніемъ. Армія, нуждаясь въ людяхъ, получитъ выученныхъ солдатъ, а чтобы поселенныя земли не были пустынею, то на оныя слѣдуетъ перевести до 12,000 семействъ изъ тѣхъ Новгородскихъ казенныхъ крестьянъ, которыхъ еще въ 1823-мъ году, за недостаткомъ земли, хотѣли перевести въ Херсонскую губернію. Государь приказалъ подать себѣ объ этомъ записку, а завтра показать въ 6-ть часовъ утра всѣ войска, около Новгорода расположенныя. Требуемую записку я послалъ Его Величеству въ Царское Село вскорѣ послѣ отъѣзда его изъ поселенія.

На другой день по утру, ожидая при войскахъ Государя, получилъ я изъ Старой Русы донесеніе, что 24-го Іюля произошелъ тамъ вторичный бунтъ, что генерала Леонтьева, многихъ штабъ-оберъ и унтеръ-офицеровъ убили и что разграбили ящикъ съ казенными деньгами. Донесеніе это я сейчасъ же послалъ къ Императору, который, пріѣхавъ, пожалѣлъ о случившемся новомъ несчастіи, осматривалъ войска, былъ ими доволенъ и пожаловалъ по рублю на человѣка, при чемъ я осмѣлился просить Государя не давать этой награды баталіону императора Австрійскаго полка, потому что во время бунта позволилъ поселянамъ изъ своего фронта вытащить капитана и истязать. По окончаніи смотра Государь приказалъ мнѣ ѣхать за собою, позвалъ въ кабинетъ и спросилъ, отчего, полагаю я, произошло вторичное возмущеніе? Я отвѣчалъ, что всѣ начальники поселенныхъ баталіоновъ, видя товарищей убитыми и изуро-

дованными, растерялись и ослабѣли, и что по этому-то при первомъ бунтѣ, опасаясь повторенія, я рѣшился просить о присылкѣ мнѣ довѣренныхъ надежныхъ начальниковъ для войскъ. Императоръ, одобривъ мое мнѣніе, послалъ въ Старую Русу генерала Микулина съ приказаніемъ вывести оттуда ненадежныя поселенныя войска и 10-й рабочій баталіонъ, отправивъ послѣдній прямо въ Кронштатъ, а мнѣ приказалъ ѣхать за собою по поселенію. Государь изволилъ проѣхать по 3-мъ округамъ 1-й дивизіи, слушалъ вездѣ молебенъ и панихиду по убитымъ въ экзерциргаузахъ, гдѣ поселяне были всѣ собраны и стояли все время по стѣнамъ на колѣняхъ съ поникнутыми головами. Послѣ отъѣзда Государя изъ поселенія, графъ Орловъ и я отправились въ Новгородъ, гдѣ, сдѣлавъ по общему совѣщанію, предварительныя распоряженія, мы 1-го Августа отправились въ Старую Русу; здѣсь мы пробыли 9 дней и привели дѣло въ ясность, о чемъ я донесъ Государю, а графъ Орловъ послалъ письмо и вскорѣ самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ половинѣ Августа собралась слѣдственная коммиссія и дѣйствовала не совсѣмъ правильно, предоставивъ допросы аудиторамъ на единѣ, а тѣ за деньги оправдывали настоящихъ виновниковъ и осуждали толпу; въ Новгородѣ собрано было болѣе 3,000 поселянъ и поселянокъ, содержаніе которыхъ подъ арестомъ было очень затруднительно въ продолженіи слишкомъ 4-хъ мѣсячной длительности слѣдственнаго дѣла, тогда какъ гораздо лучше и справедливѣе могло быть совершенно кончено въ одинъ мѣсяцъ при объѣздѣ коммисіи по округамъ, гдѣ бы она могла удобнѣе открыть зачинщиковъ по указанію изувѣченныхъ штабъ-оберъ и унтеръ-офицеровъ, а толпа была одинаково виновата; почему истинно виновные во множествѣ остались ненаказанными и при своихъ семействахъ. Въ это время, наблюдая за спокойствіемъ, я сдѣлалъ передвиженіе войскъ, чтобы въ каждомъ округѣ кромѣ своего баталіона былъ расположенъ и одинъ резервный 4-й и 8-й дивизій, послѣ чего и не было никакихъ безпокойствъ. Въ Октябрѣ проѣзжалъ чрезъ Новгородъ графъ Толстой и хвастался, какъ бы онъ скоро прекратилъ бунтъ, а самъ въ тогдашнее спокойное время въ полночь уѣхалъ въ Москву за конвоемъ гражданской полиціи. Въ слѣдъ за нимъ пріѣзжалъ въ поселеніе генералъ Клейнмихель, который также безъ конвоя не переѣзжалъ изъ округа въ округъ и, не давая мнѣ знать, началъ передвигать баталіоны, отчего нѣкоторые округи оставались на нѣсколько дней безъ надзора, что могло произвести новые безпорядки. Объяснивъ все это графу Орлову, я просилъ его исходатайствовать мнѣ у Государя другое назначеніе и увольненіе отъ командованія поселеніями, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ не принимаю на себя отвѣтственности и слѣдовательно долѣе

на семъ мѣстѣ оставаться не могу. Въ слѣдствіе сего я сдѣланъ былъ членомъ совѣта военныхъ поселеній, а на мое мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, который въ половинѣ Декабря пріѣхалъ въ Новгородъ, и я тотчасъ передалъ ему всю команду.

Въ свободное время я написалъ критическій обзоръ военнаго поселенія, въ которомъ изложилъ настоящія причины бунта и доказывалъ неоспоримо, что при первомъ выводѣ войскъ изъ округовъ всегда должно было ожидать возмущенія, и въ доказательство, что я это предвидѣлъ, упомянулъ, что въ Іюнѣ 1831 года, когда и помышленія о бунтѣ еще не было, я представлялъ, чтобы войска вывести изъ лагеря въ округи поселенія, подъ предлогомъ, чтобы холера не застигла ихъ въ сборѣ, но отвѣта на это представленіе не послѣдовало. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ обзоръ этотъ читали многіе почтенные и свѣдующіе люди и упрашивали меня представить оный Государю, на что я никакъ не соглашался. Наконецъ, генералъ Ермоловъ выпросилъ одинъ экземпляръ и передалъ его графу Орлову, отъ котораго по сіе время чрезъ 10 лѣтъ я не получилъ обратно, хотя съ тѣхъ поръ послѣдовало уже совершенное преобразованіе поселеній. Военные поселяне теперь только называются пахатными солдатами, но въ существѣ суть тѣ же крестьяне.

1833-го года въ Генварѣ я представилъ составленное въ комитетѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ урочное положеніе на всѣ роды работъ, за что и объявлено мнѣ высочайшее благоволеніе. 2-го Апрѣля, въ день Пасхи, въ чинѣ г. лейтенанта опредѣленъ я вице-директоромъ артиллерійскаго департамента, что̀ естественно меня очень огорчило, и только увѣреніе, что это сдѣлано для ознакомленія меня съ дѣлами, удержало отъ оставленія совершенно службы, въ которой не хотѣлъ я считаться ненужнымъ. Іюля 24-го того-же года назначенъ я исправляющимъ должность директора артиллерійскаго департамента и, вступивъ въ управленіе онымъ, принужденъ былъ донести г-ну министру о всѣхъ найденныхъ мною безпорядкахъ, которые были даже невѣроятны и требовали неимовѣрныхъ усилій: самые столоначальники не знали счета своихъ нерѣшенныхъ дѣлъ. Я донесъ примѣрно, что ихъ будетъ около 24,000; три года употребили для разбиранія и окончанія, и наконецъ сдано таковыхъ въ архивъ болѣе 42,000, въ числѣ которыхъ были дѣла отъ 5,000 до 20,000 листовъ и изъ которыхъ открыто взысканіе почти на милліонъ рублей, а бухгалтерія и контроль были въ самомъ жалкомъ, перепутанномъ положеніи и, чтобы получить основаніе счетоводству, надо было начинать съ 1828-го года.

Здѣсь прекращаются любопытныя собственноручныя записки достойнаго сего государственнаго сановника; но заслуги, оказанныя имъ отечеству и съ сего времени до самой святой его кончины, были слишкомъ велики и особенно полезны, чтобы не упомянуть хотя вкратцѣ о полученныхъ имъ за оныя наградахъ.

Апрѣля 22-го 1834-го года онъ получилъ орденъ императорскаго и Царскаго Орла. Съ Августа 29-го того-же года исправлялъ должность предсѣдателя комитета по артиллерійской части. Декабря 6-го 1834 года за отличіе по службѣ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи. Іюня 10-го 1835-го объявлено высочайшее благоволеніе по званію члена комитета о сокращеніи расходовъ на 1836-й годъ за отличное исполненіе возложеннаго на него порученія. Марта 29-го 1836-го года получилъ за постоянно усердное служеніе орденъ Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Августа 22-го 1836-го года получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 45 лѣтъ. Апрѣля 18-го 1838-го года, въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ долговременной и отлично-усердной службѣ, всемилостивѣйше пожалована золотая алмазами украшенная табакерка съ портретомъ Его Величества. Въ приказѣ по военному министерству отъ 23-го Апрѣля 1838-го высочайшее благоволеніе за окончаніе всѣхъ дѣлъ по общему присутствію артиллерійскаго департамента, также и отъ 27-го Іюля того-же года въ отношеніи г. военнаго министра за балансовый отчетъ о суммахъ артиллерійскаго департамента за 1837-й годъ. Марта 26-го 1839-го года въ рескриптѣ за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ объявлена искренняя Его Величества признательность и благоволеніе, по званію предсѣдателя комитета по артиллерійской части, за отличное и быстрое исполненіе многотрудныхъ и разнообразныхъ дѣлъ разсмотрѣнію комитета поручаемыхъ. Апрѣля 8-го 1839-го года за постоянно отлично-ревностное служеніе всемилостивѣйше повелѣно пожалованную въ 1828-мъ году аренду на 12-ть лѣтъ по истеченіи ей срока продолжить еще на 12-ть же лѣтъ, съ производствомъ вмѣсто оной денегъ по три тысячи четыреста девяносто восьми рубл. серебромъ въ годъ. Декабря 6-го 1840-го года, назначенъ членомъ военнаго совѣта. Августа 9-го 1839-го года высочайшее благоволеніе за успѣшное дѣйствіе контроля артиллерійскаго департамента. Августа 22-го 1842-го награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 50-ть лѣтъ. Марта 26-го 1844-го года всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки ордена Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Іюля 22-го того-же года въ Высочайшемъ приказѣ монаршее благоволеніе за отлично усердную службу и ревностные труды, оказанные по дѣламъ артиллерійскаго комитета. Января 15-го 1845-го года монаршее благоволеніе за усердное содѣйствіе къ улучшенію новыхъ лафетовъ. Апрѣля 7-го 1846-го года всемилостивѣйше награжденъ знаками ордена Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени за долговременную службу, ознаменованную многими опытами полезной дѣятельности и постоянно-отличное исполненіе возложенныхъ обязанностей. Января 24-го 1846-го года,

назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для отстраненія затрудненій по пріему въ артиллерію съ горныхъ заводовъ металловъ, и 18-го Іюля того же года получилъ въ высочайшемъ приказѣ монаршее благоволеніе за успѣшное и скорое исполненіе возложенной обязанности. Августа 22-го 1847-го года награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 55-ть лѣтъ. Декабря 6-го 1848-го послѣднею наградою былъ всемилостивѣйше пожалованный алмазами украшенный перстень съ портретомъ Императорскаго Величества за постоянно полезно ревностные труды по занятіямъ военнаго совѣта. Дѣйствительно онъ былъ здѣсь весьма полезенъ здравымъ, быстрымъ, яснымъ умомъ своимъ, съ истиннымъ знаніемъ дѣлъ, примѣрною опытностію и всегдашнимъ усердіемъ къ службѣ.

Кромѣ засѣданій военнаго совѣта, неутомимый генералъ Эйлеръ имѣлъ безпрестанно и разныя другія занятія, особенно по артиллеріи, въ которой онъ безспорно можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и ученѣйшихъ по теоріи и практикѣ; но любимѣйшія его занятія были именно по военному совѣту, гдѣ по мѣрѣ большаго его узнанія и уничтоженія несправедливаго противъ него предубѣжденія, происходившаго единственно отъ примѣрной его правдивости, онъ вполнѣ заслужилъ довѣренность непосредственнаго своего начальника и искреннее уваженіе всѣхъ дѣйствительно присутствовавшихъ членовъ, оцѣнившихъ (по собственному ихъ сознанію) его великія достоинства.

Покойся въ мирѣ, знаменитый, полезный человѣкъ, достойный внукъ великаго Эйлера! Дѣла твои останутся въ вѣчной памяти добрыхъ, подобныхъ тебѣ, людей. Земное поприще твое совершено со славою, достойною подражанія. Съ чистою, безукоризненною совѣстью предсталъ ты передъ лицемъ справедливѣйшаго Царя и Судіи, который воздастъ тебѣ сторицею за полезныя, великія дѣла твои и перенесенныя при томъ огорченія.

*

Записки эти напечатаны здѣсь съ своеручнаго подлинника, любезно сообщеннаго въ Русскій Архивъ внукомъ генерала Эйлера, Александромъ Александровичемъ Эйлеромъ. П. Б.